

ТАМАРА ЛИХОТАЛЬ

ОДНО ЛЕТО НА КРАЮ СВЕТА

Д

Лихоталь Тамара Васильевна

Одно лето на краю света

1989 г.; 143 стр. Тираж 100 000;
Издательство «Детская литература»
Художник. А. Борисенко.
ISBN 5-08-001006-1

Повесть о мальчике Жеке, который живёт на одном из небольших Курильских островов. Нет на этом острове других мальчиков и девочек. А есть только солдаты пограничной заставы, очень хорошие люди. С ними дружит герой этой повести, от которых он воспринимает всё лучшее: любовь к Родине, честность, мужество, выносливость, верность долгу.

Оглавление:

Самый первый
Двадцать минут
Жека идёт на пост
Волшебная труба
По ледяным ступенькам
Про Кольчугиных, козу Виолетту и любовь
Дружба дружбой, а служба службой
Банный день
Тёзка
«Оружие применить в крайнем случае»
Солдатское дело
Чудо-юдо рыба-кит
«Эй, медведь, мы тебя не боимся!»
Вертолёт
Почта
Меньшой брат
Женский глаз
Мама улетела
В кино
С отцом
«Пули за молоком пошли»
Мужской разговор
Шторм
Хорошо, что мы вместе
Корабль
Капитан, рулевой и матросы
«Так готовит Гена рожки,
что съедают всё до крошки»
Буланка и Орлик
Секрет
Клоун лучше, чем лекарства
Радостное событие
Тёплый остров
Интересно сидеть в очереди
Пограничники не плачут
Пограничная девочка
Жека даёт советы

О Малыше говорят по радио
Сахалян-анья-хада
И пограничники плачут

Самый первый

У Жеки светло-синие глаза и коричневое от загара лицо. Не всё: на лбу выделяется светлая полоска. Это там, где лоб закрывает шапка. Мама связала эту шапку с мыском и ушами. Жека не хотел с ушами, но мама сказала: «Ещё чего! В одно ухо — ветер с моря, в другое — с океана. Просвистит — не заметишь!»

Мама права. Остров, где они живут, омывается с одной стороны морем, с другой — океаном. Море сливается с океаном, а ветер гуляет над островом как хочет. Хотя давно уже началась весна, Жека, выходя из дому, надевает шапку с ушами, куртку, лыжные брюки и резиновые сапоги.

— Я на заставу! — деловито бросает матери Жека.

Так говорит отец. Собственно говоря, отцу и идти больше некуда. На острове всего-то и есть — заставка, начальник которой Жекин отец. Но отец любит точность.

— Да не мешайся ты там, горюшко моё! — говорит мама.

— Я не мешаю, я помогаю, — так же деловито возражает Жека.

Застава недалеко. От Жекиного дома хорошо видно её приземистое здание на взгорье повыше полосы прибороя. Солнце висит, приподнявшись над океаном, и светит вовсю. Наверное, Жека первым из всех ребят нашей огромной страны встречает его. Прибой тихо шлёпает о берег. Жека шагает по твёрдой песчаной отмели. Волны отбежали, оставив на берегу разные разности. Вот большая, похожая на раскрытую пасть ракушка, вот сбившийся клубок разноцветной лески, вот краб — посередине твёрдый панцирь, а сзади две клешни. Жека взял краба за твёрдую спинку, и краб сердито зашевелил клешнями.

— Ишь, размахался, — сказал Жека. — Тебе только боксёрских перчаток не хватает!

Так говорит солдат Юра — лучший друг Жеки. После одного смешного случая, который произошёл на заставе в ночь под Новый год, товарищи в шутку называют Юру Юрочка Снегурочка. А получилось всё из-за Жеки.

Юра — вожатый любимой собаки Жеки, Дика. Дик тоже друг Жеки. Он очень умный. Точно выполняет все команды, которые отдаёт ему Юра. А когда Юра отпускает его погулять, Дик носится вокруг, притаскивает в зубах обкатанную морем палку, а иногда разлетится и прыгнет в воду, потом отряхивается так, что тучей летят брызги. Но вот сухарик, который предлагает ему Жека, Дик не берёт. Понюхает угощение, а сам покосится на Юру. Юрочка Снегурочка возьмёт у Жеки сухарик, протянет его Дик, и тот мгновенно слизнёт его.

— Служебная собака ничего не должна брать из чужих рук, — говорит Юра.

И Жека не обижается ни на Юру, ни на Дика. Разве он не понимает: Дик не простая собака, а пограничная.

Возле входа в помещение заставы укреплён скребок и лежат на низенькой скамеечке сапожные щётки. Жека провёл подошвами по скребку, а потом почистил щёткой сапоги. Сапоги у Жеки резиновые, и чистить их щёткой вроде бы не полагается, но все солдаты, прежде чем войти в помещение заставы, непременно обмахнут щёткой сапоги. И Жека поступает точно так же.

Неподалёку от входа за деревянной загородкой сидит у стола дежурный. Сегодня дежурит Алёша — лучший друг Жеки. Алёша водит машину и вездеход и иногда катает Жеку. Алёша — сержант. У всех солдат куртки с погонами, а у Алёши на куртке ещё три полоски на плечах.

— Здравствуй! — здоровается с Алёшей Жека.

— Привет, Евгений Борисович! — весело отвечает Алёша. Звенит телефон, и Алёша хватается трубку: — Дежурный слушает! — Лицо у него становится серьёзным.

Сейчас Алёше нельзя мешать, и Жека тихо проходит мимо стола дежурного. В коридоре сверкают вымытые полы. По обеим сторонам коридора — двери. Они закрыты. Но Жека и так знает, что где находится. Сразу же напротив стола дежурного — комната, где хранится оружие. За ней — комната, где сидит начальник заставы. Все называют её канцелярия, но Жеке это слово непонятно, и он про себя считает просто — папина комната. А дальше — Ленинская комната. Сейчас там никого нет, и Жеке идти туда незачем. Он сворачивает в другую сторону коридора, тихонько проходит мимо спальни. Время уже не раннее, но Жека знает: сейчас отсыпаются солдаты, которые вернулись с ночного дежурства. В физкультурном зале тоже тихо и пусто. Из кухни доносится вкусный запах

свежевыпеченного хлеба. А в столовой, расположенной перед кухней, сидят за столиком Юрочка Снегурочка и старшина Костя. Солдаты между собой называют его старшой. Костя тоже лучший друг Жеки. Он учит солдат, которые только начинают служить на заставе, обращаться с оружием, ездить верхом, преодолевать учебную полосу. Полоса эта расположена тут же, рядом с помещением заставы. Сначала идёт крутая лестница вверх, потом канат, протянутый от столба к столбу над страховочной сеткой, потом узенькие шаткие мостки. Солдаты бегом взбегают по лестнице, цепляясь руками и ногами, перебираются по канату, быстро бегут по мосткам. А ещё есть перекладина — два столба, а наверху между ними железная труба. На перекладине надо подтянуться, а кто может, и перекувырнуться. Старшина Костя учит не только солдат. Он и Жеку научил подтягиваться на перекладине. Правда, Жека с земли до перекладины не достаёт. Сначала Костя просто поднимал его так, чтобы Жека мог уцепиться за трубу. А теперь Жека сам научился взбираться до трубы по столбу.

Едва только Жека успел поздороваться с Костей и Юрой, как из окошка раздаточной, улыбаясь, выглянул повар Гена. На кухне жарко топится печь. Гена сбросил куртку, и на нём сейчас только белая нательная рубашка и белая шапочка на голове.

— Может, подзаправишься? — спрашивает Гена Жеку. — Тушёнки с рожками, — смешно говорит Гена, делая ударение на первом слоге. — Холоднёного молочка с тёплым хлебушком?

Тушёнку с рожками Жека ел совсем недавно дома. И молоко пил. Только хлеб у мамы был вчерашний. Сегодняшний хлеб Гена сейчас вынул из печи. По правде говоря, Жека совсем не голоден, но ему очень хочется посидеть за столиком вместе с Костей и Юрой, и он кивает головой. Лучший друг Гена тотчас ставит перед ним тарелку и стакан молока. На другой тарелке посередине столика лежат ломти мягкого тёплого хлеба. Жаль только, посидеть с Костей и Юрой Жеке удаётся недолго. Они уже кончают завтракать.

— Спасибо, Гена! — Костя и Юра поднимаются, ставят посуду на окошко раздаточной и уходят.

Жека старательно доедает всё, так чтобы тарелка была совсем чистой, выпивает молоко и, поднявшись на цыпочки, аккуратно, как это делают солдаты, тоже ставит посуду на окошко раздаточной.

— Спасибо, Гена! — кричит он.

— На здоровье! Расти большой! — откликается Гена, повернув на минуту к Жеке улыбающееся лицо, и снова склоняется над плитой.

Жека знает: дел у повара Гены — ого-го! Надо и хлеб испечь, и завтрак, обед, ужин приготовить, и накормить всех. А едят солдаты на заставе не в одно время все вместе, а как у кого получается. Кто из берегового наряда вернулся, кто с наблюдательной вышки верхнего поста, кто другими делами был занят. Жека возвращается к дежурному. Сейчас у Алёши свободная минута, и он может поговорить с Жекой.

— Ну, что будешь делать, Евгений Борисович?

— Рисовать, — подумав, отвечает Жека.

Алёша даёт ему листок бумаги, карандаш, и Жека пристраивается за столом рядом с Алёшей.

— А я краба нашёл! — вспоминает вдруг Жека. Некоторое время они с Алёшей разглядывают краба.

— Дежурный! — раздаётся громкий голос начальника заставы, и Алёша бежит к нему.

Жека тем временем рисует огромное небо, которое отделяется едва приметной чертой от огромного моря, и корабль на горизонте — сторожевой, пограничный. Внезапно раздаётся громкий звонок.

— Телефон! — кричит Жека.

Алёша, громыхая сапогами, уже несётся по коридору к своему столу. Наверное, он сам слышал телефонный звонок, но всё же лучше, что в этот момент здесь оказался Жека. «Мало ли что, вдруг бы Алёша не услышал звонка, — думает Жека. — Всё-таки я хоть немного, но помог на заставе».

— Дежурный слушает! — громко говорит Алёша в трубку. — Машина вышла в девять пятьдесят.

У дежурного очень хлопотливая работа. Он должен всё знать и всё помнить — и когда, по какому маршруту отправился тот или иной пограничный наряд, и какие сведения поступают от нарядов, от наблюдателей на вышках с поста технического наблюдения, и когда, куда направилась машина или вездеход, и даже где пасутся лошади. Кроме того, у него хранятся ключи от комнаты с оружием, где солдаты, перед тем как отправиться в наряд, берут автоматы.

Вот из неё вышли Юра и молодой солдат Саша. Оба с автоматами. У Юры ещё и рация. И у Юры, и у Саши, и у Алёши строгие, сосредоточенные лица. Дежурный Алёша ещё раз внимательно

оглядел Юру с Сашей — всё ли в порядке. Это очень важный момент. Ведь Алёша готовит наряд к выходу на охрану границы. Через минуту в комнате у Жениного отца, начальника заставы, прозвучал звонкий голос Алёши:

— Пограничный наряд в составе рядового Агафонова и рядового Конева для получения приказа на охрану Государственной границы построен. Старший наряда рядовой Агафонов. Дежурный на заставе сержант Кузовлёв.

В ответ послышался чёткий голос отца:

— Приказываю выступить на охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик.

Жека выскакивает наружу, чтобы посмотреть, как пойдёт наряд. Сколько раз видел он, как уходят солдаты на охрану границы, и всегда завидует им. Даже Дик завидует, которого Юра ведёт на поводке. Юра чуть приметно кивает Жеке — мол, я не прочь с тобой побеседовать, но сейчас не время. Сам понимаешь — служба. Дик, шагая рядом с Юрой, приветливо махнул хвостом, словно хотел сказать: рад бы поиграть с тобой, но сам понимаешь — служба. Только Саша смотрит серьёзно, словно не видит Жеку.

Пограничный наряд шагает всё дальше и дальше. Вот он миновал учебную полосу с крутой лесенкой и канатом над страховочной сеткой, вот спустился поближе к воде и зашагал по песчаной отмели. Она гладко вылизана волнами, и единственные следы, которые чётко отпечатались на ней, — это следы Жекиных резиновых сапог. Дик понюхал их и понял, что здесь прошёл свой человек.

Двадцать минут

Жека не смотрит ни на поблёскивающий, как зеркало, океан, ни на зелёные в красных цветах сопки. Только немного задержался на берегу и выпустил на волю краба. Тот обрадовался, пополз к воде, и его подхватило набежавшей волной. Пусть живёт в море-океане и рассказывает своим детям, как побывал в гостях у Жеки. Жека представляет себе, как маленькие крабята собрались в кружок и слушают рассказ Жекиного краба. Послушали, а потом стали играть друг с дружкой. А вот Жеке играть не с кем. На острове, где он живёт, ребят больше нету.

На заставе сейчас тихо. Дежурный Алёша и повар Гена заняты. Жека нехотя идёт домой. Мама возится на кухне. Жека снимает свои резиновые сапоги, куртку, лыжные брюки и забирается на тахту. В комнате тихо, только по радио что-то рассказывает женский голос. Некоторое время Жека прислушивается и узнаёт, как в одном из совхозов кормят коров. Дальше слушать ничуть не интересно. Слез Жека с тахты и пошёл на кухню. Мама обед готовит.

— Скучаешь, сынок? Ничего, скоро детская передача начнётся.

— А когда — скоро?

— Через двадцать минут.

«Двадцать минут», — думает Жека и никак не может понять, много это или мало. Считать-то он умеет: не только до двадцати, до ста — и то может сосчитать. А вот двадцать минут — кто его знает, сколько это. Иногда и час, и два пролетят — не заметишь. Например, когда показывают кино или когда старшина Костя учит солдат преодолевать учебную полосу. Жека обычно стоит неподалёку и смотрит. Нет, не просто смотрит, каждый раз, как кто-нибудь из его друзей подбегает к лесенке, Жека не может спокойно стоять на месте. Он прыгает, размахивает руками и дышит быстро-быстро, словно сам бежит вверх по лесенке, перебирается по канату, мчится по шатким мосткам. Он то шепчет: «Давай, давай!», то огорчённо вскрикивает: «Ой!» В это время, даже если пора обедать или ужинать, мама не зовёт его. Выйдет, глянет и опять уйдёт домой. А вот сидеть и ждать двадцать минут очень долго. Жека уже и об одном успел подумать, и о другом. Вспомнил почему-то, как когда-то зимой, во время бурана, засыпало снегом их дом до самой крыши.

Жека проснулся, как обычно, а в комнате темно. Он подумал, что ещё ночь, и удивился, что мама топит печку.

«Ты почему ночью топишь?» — спросил он, а мама засмеялась и сказала:

«Ночь теперь уже в Москву ушла, а у нас давно день».

«А почему темно?» — не поверил Жека.

И тогда мама сказала:

«Ты в окошко посмотри...»

Жека посмотрел, а окошка нету. Верней, вот оно, на своём обычном месте посередине стены, и

стёкла в рамах есть. А за ними ничего не видно. Жека вскочил с постели, подбежал к окошку и только тогда понял, что снаружи окошко всё завалено снегом.

«И двери завалило — не открыть, — сказала мама. — Буран всю ночь бушевал. И провода порвало — электрический и телефонный».

«Как же мы теперь выйдем?» — забеспокоился Жека.

«Папа что-нибудь придумает, — сказала мама. — Умывайся и садись завтракать».

А где отец, Жека даже спрашивать не стал. Конечно, на заставе.

И правда, они с мамой только сели завтракать, как зазвонил телефон. Жека первым схватил трубку и услышал голос отца:

«Ну, как вы там?»

«Папа, у нас ещё ночь! — закричал Жека. — Нас снегом завалило».

«Вижу», — сказал отец.

«А что ты видишь?» — спросил Жека.

«Трубу, — ответил отец, — а из трубы дым идёт. Значит, мама оладушки печёт».

«Уже испекла! — опять закричал Жека. — Вкусные!»

Почему-то он всё время кричал, наверное, боялся, что телефонный провод вот-вот опять оборвётся. Но отец сказал:

«Передай маме, чтобы не беспокоилась. Ребята уже откапывают вас. — И добавил: — Ты уж, сынок, там о маме позаботься».

«Позабочусь!» — закричал Жека.

«Ну вот и молодец», — сказал папа и положил трубку.

Это было зимой. А теперь уже почти лето. Жека любит лето больше, чем зиму, хотя и летом у них на острове со всех сторон дуют ветры, — то пригонят откуда-нибудь тучи, то, наоборот, отгонят их от острова, и тогда всюду светит солнце, искрится океан, колыхнется яркая зелёная трава и горят огоньками цветы на сопках.

Долго тянулись двадцать минут, но наконец и они прошли. Прозвучала весёлая музыка, Жека знает: сейчас начнётся сказка. Он сел на тахту и приготовился слушать. Но тут же оглянулся на дверь:

— Мама, а ты будешь?

— Буду, — вытирая руки, мама вошла в комнату и села рядом с Жекой.

Теперь Жека доволен. Он любит слушать радиопередачи вместе с мамой. Это гораздо интересней, чем одному. Послушают они сказку, а потом начинают друг дружке рассказывать, кто кому больше понравился — весёлые гномы или смелая девочка, оказавшаяся у них в гостях. Иногда даже поспорят. А бывает и так: Жека что-нибудь забудет, а мама вспомнит или мама забудет, а вспомнит Жека. Неважно ведь, кто вспомнил. Главное, что сказка как бы снова оживает.

Жека идёт на пост

После детской передачи Жека опять пришёл на заставу. Алёша всё ещё дежурит. В коридор вышел отец, сказал вскочившему дежурному:

— Я на пост наблюдения.

В окошко был виден вездеход, уже ожидавший начальника заставы. Отец влез в люк, и вездеход рванулся с места. Алёша что-то записывал в журнал, а Жека сидел сбоку от него и ждал, когда дежурный освободится. Алёша отложил журнал, и Жека тотчас спросил:

— Алёш, а что такое заставка?

— Вот те на! — удивился Алёша. — Или ты первый день...

Но Жека не дал ему договорить:

— Знаю! Мы сейчас на заставе.

— Так чего же ты?

— А пост наблюдения, куда поехал отец? Это тоже заставка?

— Ах, ты вот о чём! Как бы тебе попроще объяснить... — Алёша немного подумал. — Заставой вообще-то называется воинское подразделение, несущее службу по охране границы. Значит, заставка — это мы, люди — солдаты и офицеры.

— Люди? — удивился Жека. — А я думал — вот это... — обвёл он рукой всё вокруг.

— Это тоже правильно. Потому что обычно мы называем заставой помещение, где располагается воинское подразделение. Значит, этот дом.

— А пост наблюдения? — напомнил Жека. — Он ведь далеко отсюда.

— Он тоже относится к заставе, и верхний пост, и маршруты, по которым ходят пограничные наряды, — словом, весь остров, который мы охраняем. Мы — пограничники. Поэтому и застава наша называется пограничной. Ясно? Ещё вопросы есть?

— Нет, — сказал Жека и вдруг закричал: — Есть! А дом, в котором мы живём с мамой и папой?

Жекин дом хорошо был виден из окна. Он стоял неподалёку от помещения заставы, немного не доходя до учебной полосы. В самом деле, дом ведь не пост наблюдения, не вышка. Жека с тревогой посмотрел на Алёшу. Но Алёша успокоил его:

— Дом твой тоже пограничная застава. Ведь в нём живут люди, которые охраняют границу. Значит, ты тоже пограничник.

Жека сразу повеселел. А тут ещё к столу дежурного подошёл Юрочка Снегурочка и сообщил:

— Нерпы приплыли. Мы видели их, когда ходили в береговой наряд. Как обычно, устроили своё лежбище за скалами.

— Нерпы — это интересно.

Когда Жека впервые увидел нерпу, он подумал, что это водолаз. Из воды вдруг вынырнула круглая голова с большими круглыми глазами.

«Мам, смотри, водолаз!» — закричал Жека и даже схватил мамину руку.

«Нет, сынок, это нерпа», — сказала мама.

«А почему она в очках?» — недоверчиво спросил Жека.

«И вовсе это не очки, — улыбнулась мама. — У нерпы такие глаза — большие и круглые. А пониже, видишь, усы. Какой же может быть водолаз с усами? Ведь он в скафандре — так называется водолазный костюм».

«И правда, усы! — разглядел Жека. — Какая смешная, и смотрит на нас. Откуда она взялась?»

«Весной нерпы приплывают к нашему острову и поселяются на берегу за скалами. Там удобное для них лежбище. Но они очень любопытные и иногда подплывают сюда к нам. Наверное, им интересно посмотреть на людей», — рассказывала мама.

Это было давно. Жека был тогда ещё маленьким. С тех пор он не раз видел нерп. И правда, они любопытные. Подплывут к заставе, высунутся из воды и смотрят.

Жека берёт свой листок бумаги и начинает рисовать нерпу. Прямо над морем, которое Жека нарисовал раньше, теперь видна круглая голова с круглыми глазами и большими усами. Получилось хорошо. Надо показать Алёше. Но дежурному опять некогда. Возле его стола, вытянувшись, стоит Женя. Фамилия Жени Прокушев, но все называют его Гитаристом.

Женя — солдат молодой, он служит только первый год и на заставу приехал недавно. Алёша оглядывает его особенно внимательно. Видимо, у Жени всё в порядке, потому что Алёша докладывает старшине Косте, он сейчас за главного:

— Пограничный наряд в составе рядового Прокушева для получения приказа на охрану Государственной границы построен!

Жека тоже внимательно смотрит на рядового Прокушева. Женя отправится в наряд один — значит, догадывается Жека, не в береговой дозор, а на верхний пост.

Рядовой Прокушев старается держаться молодцом, но на самом деле он волнуется. Ведь он идёт в самостоятельный наряд первый раз. Опытные пограничники понимают это. Алёша ободряюще кивает Жене, а старшина Костя окликает проходящего по коридору солдата Володю Кольчугина и совсем не по уставу говорит ему:

— Проводи Прокушева до верхнего поста. — И добавляет: — Проводишь и вернёшься.

Жека и сам не знал, как у него вырвалось:

— Володь, а можно я с тобой?

Лучший друг Володя вопросительно посмотрел на Костю. Лучший друг Костя посмотрел на Жеку и кивнул:

— Добро!

И вот они втроём идут на верхний пост. Наблюдательная вышка — отсюда снизу она хорошо видна — находится на вершине сопки.

Жека шагает рядом с солдатами, стараясь не отставать. До чего же это прекрасно и замечательно — идти в сопки! И дело, конечно, не в сопках. Сколько раз ходил Жека в сопки с мамой за цветами и ягодами! Но то с мамой, а то с солдатами. И не гулять они идут, а охранять границу. Честно говоря, на охрану границы идёт только солдат Прокушев, Женя Гитарист. Только ему отдан приказ охранять на

верхнем посту границу Советской страны. А Володя Кольчугин и Жека просто провожают его. Но это не так уж важно, важно, что они идут на вершину сопки к наблюдательной вышке — три смелых человека. Жеке очень хочется поговорить с Володей и Женей, но он знает: когда солдат-пограничник на охране границы, всякие «тары-бары-разговорчики», как называет их старшина Костя, не положены.

Молча шагает Жека, молча, неслышно ступает по тропинке Володя Кольчугин, молча идёт на свой пост и рядовой Прокушев — Женя. Вообще-то Женя человек весёлый. На заставу он приехал с гитарой. Играет он здорово! Поэтому и прозвали его ребята Гитаристом. Кому же не хочется послушать новые песни? Вечером, когда у солдат свободное время, все собирались возле клумбы, где скамейки. Даже отец с мамой приходили послушать Женю.

«Очень музыкальный парнишка!» — хвалила Женю мама.

«Да, такой не даст заскучать, — соглашался с ней отец. — А у нас на острове это особенно важно. — И добавлял: — Посмотрим, как он себя на службе покажет. Одной гитарой на заставе себя не проявишь».

Отец прав. Ещё когда молодые солдаты только прибыли на остров, старшина Костя, занимаясь с ними физической подготовкой, подвёл их к перекладине. Костя всегда начинает учить новичков с перекладины. Вроде бы и дело-то простое: два столба, между ними металлическая трубка. Подпрыгни, ухватись за трубку и подтянись. Жека стоял и смотрел, как Костя учит новичков.

«Начнём, — сказал Костя. — Ну, кто смелый?»

Один солдат, невысокий, рыженький, с веснушками, шагнул было вперёд, но засмутился и спрятался за спины товарищей.

«А чего тут долго разговаривать!» — сказал другой, повыше и ладный. Это был Женя Гитарист.

«Правильно, рядовой Прокушев! — похвалил его Костя. — Нужно не тары-бары-разговорчики разговаривать, а работать. А ну-ка, Жека! — Костя обнял Жеку за плечи, подтолкнул вперёд. — Как думаешь, подтянешься столько раз, сколько он?» — спросил Костя солдата.

Женя Гитарист, или, как называл его Костя, солдат Прокушев, поглядел на Жеку:

«Обижаете, старшина! С пацанёнком равняете...»

«Да я так, — невинным голосом сказал Костя, — ты уж того, не обижайся. — И, глянув на Жеку, скомандовал: — Давай, пограничник!»

Жека этого только и ждал. Как кошка, вскарабкался по столбу, ухватился за перекладину.

«Считай! — велел Костя рядовому Прокушеву. — Считай, считай!» — с усмешкой сказал он, видя, как вытягивается лицо у рядового Прокушева.

«Молоток!» — почтительно сказал рядовой Прокушев, когда старшина подхватил Жеку и поставил его на землю. Но Костя ещё не закончил вступительную часть к первому уроку.

«Как ты добился таких результатов?» — спросил Костя Жеку.

«Тренировочка», — ответил Жека.

«Тренировочка! Понятно?» — сказал Костя, обращаясь к молодым солдатам. А Женя Гитарист протянул Жеке руку и сказал:

«Поздравляю тебя, тёзка, с отличными результатами!»

Тёзкой он назвал Жеку потому, что их одинаково зовут — Евгением, Женей.

Тропинка кончилась внезапно. Подъём в гору шёл круто вверх по лобастым валунам. Жеке сначала было весело карабкаться с валуна на валун, но вскоре он устал и стал дышать быстро-быстро, как дышит в жаркий день Дик, только Дик ещё высовывает наружу длинный красный язык. А Жека только провёл языком по губам и почувствовал, какие они стали сухие и шершавые. Шагавший впереди Женя то и дело вытирал лоб и тоже тяжело дышал. Потом он приостановился в нерешительности:

— Чёрт подери! Куда дальше лезть?

— Так ты ведь уже ходил на верхний пост, и не раз, — сказал Володя Кольчугин.

— Ходил, — виновато протянул Женя. — Только тут валуны эти, как близнецы — один от другого не отличишь. И вышки отсюда не видать.

Жека глянул вверх. И правда, наблюдательная вышка куда-то вдруг подевалась. Там, от заставы, хорошо была видна, а отсюда, сколько ни вглядывайся вверх, — груды валунов. И всё! Куда карабкаться — непонятно. Зато понятно стало Жеке, почему старшина Костя послал бывшего пограничника Володю Кольчугина проводить молодого солдата Прокушева на верхний пост. Он ещё неопытный, ему трудно запомнить дорогу. Ему на камнях ни тропинки, ни следа не видать. А Володя всё видит.

— Смотри, — показывает он Жене, — вон там камень острый, как пирамида, а другой похож на бараний лоб, а вон тот изогнулся, как рысь в прыжке, а рядом с ним плоский, вроде тарелки. Примечай

и запоминай. Пограничник должен любой клочок земли знать наизусть. Ничего, привыкнешь. Не то что днём при солнышке — ночью будешь дорогу находить. Двигай дальше! А вышка как раз над нами. Поэтому её и не видно. Подъёмчик тут что надо! Ну, а ты как? — спросил Володя Жеку.

— Ничего, — еле выдохнул Жека. Ноги у него совсем перестали слушаться. Хотелось опуститься на валун и больше никуда не идти. Жека раньше и не догадывался, как трудно добираться до верхнего поста.

— Давай на закорки, — сказал Володя, пригнулся и, подтянув Жеку за руки, посадил его к себе на спину.

Так они и карабкались дальше — впереди рядовой Прокушев, идущий охранять Государственную границу, за ним Володя Кольчугин с Жекой на спине. Он, хоть и нёс Жеку, шагал легко. А может быть, Жеке просто так казалось, потому что ехать на чужой спине гораздо легче, чем идти на собственных ногах. А пограничник первого года службы Женя Прокушев поднимался вверх из последних сил. Он ещё не успел привыкнуть к трудной солдатской службе.

Наблюдательная вышка появилась перед ними внезапно. Володя опустил Жеку на землю и только теперь вздохнул, распрямляя плечи, словно сбрасывал с себя усталость.

Никогда ещё Жеке не доводилось видеть свой остров с такой высоты. Впереди за прибрежной песчаной полосой синее море. А направо и налево всё зелёное-зелёное. Застава отсюда кажется маленькой, а Жекин дом совсем игрушечным.

Волшебная труба

Жека не сразу заметил её. Она стояла на вышке под крышей от дождя и, поворачиваясь на подставке во все стороны, сверкала огромными стёклами. Часовой, которого они пришли сменить, то и дело смотрел в неё.

— А мне можно? — спросил Жека.

Часовой кивнул. Жека глянул и сначала даже немного испугался: всё, что было далеко, неожиданно подбежало близко-близко. Вот она, застава. Кажется, что совсем рядом. И Жекин дом тоже. И окошки видны, и крыльцо.

— Какая волшебная труба! — громким шёпотом сказал Жека, не отрывая взгляда от стёкол.

— Да уж, — сказал часовой, — труба что надо! БМТ называется — бинокулярная морская труба.

— Ой, мама! — радостно закричал Жека.

В трубу было отлично видно, как мама с миской в руках спустилась с крыльца и пошла на огород. Огород у них на заставе хороший. Есть даже парник, прикрытый полиэтиленовой плёнкой. Растёт на огороде лук с длинными зелёными стрелами, круглая красная редиска и огурцы. Больше всего Жека любит огурцы, но пока вырос только лук. С самой весны на огороде работают все, кто свободен, — и солдаты, и мама, и Жека. Правда, мама и Жека не копали землю, а только сажали семена, а потом пололи. Жека умеет полоть. Очень даже хорошо отличает, где сорняк, а где листочки редиски. Это сказал Володя Кольчугин. А Володя знает. Потому что до того, как стать пограничником, Володя жил в деревне. Нет, не в деревне, а в селе. Володя обижается, если кто-нибудь говорит, что он из деревни. «Сам ты деревня! А у нас — село, — отвечает он, — с иным райцентром поспорить может. И школа средняя есть, и музыкальная, и клуб со сценой. Не гляди, что кругом — тайга». Володя и с лошадьми умеет управляться, и коров доить.

Жека ещё раз поглядел в морскую трубу, а потом с уважением посмотрел на Женю Прокушева. Теперь он останется здесь, на вышке, и будет наблюдать и за островом, и за морем, чтобы кто-нибудь чужой не подплыл к острову, — будет охранять Государственную границу.

Оставив на вышке наблюдателя Евгения Прокушева, Жека с Володей и со сменившимся с дежурства солдатом стали спускаться вниз. Спускаться с горы легче, чем подниматься в гору, но страшней. Всё время так и кажется, что полетишь вниз кувырком. Жека на крутых спусках держался за Володину руку. Он шёл и думал, какой у него замечательный друг Володя.

По ледяным ступенькам

Вот и день прошёл. Солнце закатилось за сопки. Оно всегда утром выплывает из моря, а вечером закатывается за сопки. Здесь, на берегу, его уже не видно, всё — и серебристый морь, и жёлтый берег, и зелёная трава — стало сероватым, будто выкрашенным одной краской. Только вершина

самой высокой сопки, где теперь находится Женья Прокушев, золотисто светится. Но и она быстро гаснет. А по всему огромному, широкому небу проступают звёзды. Сначала чуть заметные, они разгораются всё ярче и ярче. А небо становится всё черней и черней. У помещения заставы уже стоит на посту ночной часовой. Значит, наступила ночь. А отца всё нет. Так и не дождавшись его, Жека ложится спать. Но сразу ведь не заснёшь.

— Мама, расскажи, как мы с тобой по ледяным ступенькам карабкались, — просит Жека.

— Да ведь я сколько раз уже рассказывала, — отзывается мама, чуть улыбаясь, но Жека готов слушать мамин рассказ хоть сто раз, как интересную книжку.

Есть у Жеки такие книги, которые он знает наизусть, и начало знает, и конец, а всё равно просит: «Мама, почитай!» А этот мамин рассказ, может быть, даже лучше, чем книга. Ведь в книгах, хоть и интересно, но рассказывается про других людей, про взрослых и ребят, или про зверей, а мамин рассказ про самого Жеку и про маму, конечно.

— Рассказывай, рассказывай, — говорит Жека и укладывается так, чтобы удобнее было смотреть на маму.

Мама уже приготовила ужин и теперь сидит на тахте и вяжет. В руках у неё мелькают спицы, в картонной коробочке поворачивается, словно сказочный колобок, клубок шерсти, такой же серый, как Мурка. А сама Мурка пристроилась рядом с мамой на тахте.

— Ну! — торопит Жека.

— Дело было зимой, — начинает мама. — Мела пурга, а в этот день стихла, выглянуло солнце...

— Нет, не так, — останавливает маму Жека. — Ты с самого начала начни.

Мама не возражает и начинает с начала, как просит Жека.

— Первый раз мы с тобой приехали на границу не сюда, а в Приморье. Самолётом летели, потом поездом ехали, потом автобусом добирались. А после и вовсе пешком. Пешком, конечно, я, а ты у меня на руках.

— Так я же маленький был, — вставляет Жека. — А то бы я тоже пешком шёл и вещи тебе помог бы тащить.

— Конечно, сынок, — говорит мама, — ты тогда совсем-совсем маленький был, вот такой, — показывает мама, отложив вязанье и слегка раздвинув руки. Получается, что Жека был немного побольше Мурки. К тому же мама добавляет: — Ты хоть и совсем малышом был, а терпеливый. Не плакал, не кричал — словом, молодец!

Молодец — это приятно слышать, жаль только, что сам Жека не помнит ни как они летели на самолёте, ни как ехали в поезде и в автобусе. Но мама рассказывает очень хорошо, и Жеке кажется, что он и сам всё это начинает припоминать.

— Ну вот, — продолжает мама. — Вышли мы с тобой из автобуса, люди помогли мне вынести вещи, и автобус покатил дальше.

— А мы? — спрашивает Жека.

— Мы? Мы постояли немного. Совсем пустая улица, только дым из труб виден. Оставили мы с тобой вещи прямо на дороге и постучали в первый попавшийся дом. Открыл мне дверь дедушка с седой бородой. «Заходи, — говорит, — дочка!» Вошли мы с тобой в горницу, а там бабушка возле стола хлопчет, ужинать, видно, собирает. Ну, я им всё и рассказала: так, мол, и так, вот еду с ребёночком на заставу. Хозяева заахали, бабушка тебя взяла на руки, положила на постель, стала разворачивать одеяло. Я тебя покормила, потом хозяева усадили меня за стол — ужинать, внесли наши вещи.

«Придётся тебе, дочка, у нас погостевать до okazji, — говорит хозяин. — Застава-то на высоченной сопке. Туда двести тридцать ступеней. Не добраться тебе с дитём. У нас оттепель была, а потом, видишь, мороз ударил, все ступеньки обледенелые. С заставы в посёлок частенько спускаются — то на почту, то за продуктами. Вот мы и объявим везде, что ты приехала да у нас остановилась».

Поблагодарила я хозяев, и остались мы у них. День живём, другой живём, а с заставы никто в посёлок не приходит. Тут уж я разволновалась. Ведь я твоему отцу телеграмму послала, сообщила, что едем, а он не встречает, никаких вестей о себе не подаёт. Думаю: «Может, случилось что?» Граница есть граница. А тут ещё завьюжило. Крутило и свистело дня два, а потом метель улеглась, вышло солнце, всё кругом сверкает. Оставила я вещи у гостеприимных наших хозяев и пошла с тобой на заставу. И правда, сопка высоченная, ступени под снегом обледенелые. Я им и счёт потеряла. Тебя уже кормить пора. Села я на ледяную ступеньку, прикрыла тебя полой полушубка, покормила, развязала узелочек с гостинцами, которые мне хозяева в дорогу собрали, сама поела. «Ну, сынок, пошли дальше». Шла, шла и выбилась из сил. Думаю: «Может, обратно спуститься?» Глянула вниз на посёлок, а спускаться по этой наледи ещё страшней, чем вверх подниматься. А ты посмотрел на меня — словно

подбодрил. Я опять в путь пустилась. Добралась до заставы только к вечеру. Папка твой, как увидел меня, просто обомлел. Не знает, то ли на тебя глядеть, то ли полушубок с меня стаскивать. Сначала ругать меня стал: зачем, мол, полезла на такую крутизну. А потом посмотрел на тебя и говорит: «Наверное, нашему сыночку на роду написано альпинистом быть».

— Нет, я пограничником буду, — сказал Жека и добавил: — Теперь про телеграмму скажи.

— Да что про неё говорить? Опоздала она. Мы её потом получили и уже не сердились. Посмеялись, да и всё.

Жека представил себе лестницу с ледяными ступеньками. Он шёл по ней, а лестница тянулась всё выше и выше, до верхнего поста. Но это уже Жека видел во сне.

Про Кольчугиных, козу Виолетту и любовь

Когда солдаты стоят в строю в форме и зелёных фуражках, кажется, что они похожи друг на друга. А на самом деле они разные. Приехали на остров из разных мест, по-разному жили у себя дома или, как они говорят, «на гражданке».

Вечером на заставе интересней всего, даже если нету кино. У солдат, которые не находятся в нарядах, свободное время. В армии его называют личным. На скамейке возле клумбы бренчит на гитаре Жека, в Ленинской комнате кто-то читает, кто-то играет в шахматы. А ещё вспоминают, как кто жил «на гражданке» до того, как их призвали в армию.

У Володи Кольчугина в его большом селе, которое стоит на берегу глубокой, тёмной от густых таёжных деревьев реки, есть братья и сёстры — и постарше Жеки, и помладше, родные, двоюродные, троюродные, — тётки и дядя, дедушки и бабушки, и даже есть один прадедушка и одна прабабушка. Жека взбирается к Володе на колени, сидит и слушает. Не только Жека, но и солдаты иной раз не могут понять, про кого из своих Кольчугиных говорит Володя. А Володя удивляется непонятливости товарищей.

— Да это вовсе не тот дядя Ваня Кольчугин, — говорит он. — Тот на комбайне работает и женат он на тёте Насте. А этот дядя Ваня Кольчугин — бригадир полеводческой бригады. И жена у него тётя Маша. И сын Петька здорово на баяне играет. Ну что тут непонятного?

— А у дяди Вани Кольчугина — у того, который на тёте Насте женат, — у него сын на чём играет? — посмеиваются солдаты.

— У него дочери, — спокойно отвечает Володя, — Вера, Надя и Люба — мои двоюродные.

— У вас что, всё село — Кольчугины? — подзадоривают Володю солдаты и опять смеются. Это хорошо! «В армии без шутки нельзя» — так говорит отец. И Жека смеётся вместе со всеми. Но Володя говорит всё так же серьёзно:

— Нет, Кольчугиных только половина. Есть ещё и Силантьевы.

— Про Силантьевых в следующий раз расскажешь. Уморил! — хохочут солдаты.

А у повара Гены совсем другая история. Как-то стали солдаты косить траву для лошадей и коров. Сенокос — весёлая работа. Свежий, радостный запах скошенной травы не может развеять даже курильский ветер. Лучше всех косил Володя Кольчугин. Коса у него в руках, казалось, летает сама по себе, и следом за ней ложатся ровные ряды травы. Но стоило взять эту же самую косу кому-нибудь другому, она начинала тяжело и криво шаркать по траве. То срезала одни верхушки, то сама врезалась в землю. Даже мастер на все руки старшина Костя признался, что за Володей ему не угнаться. Только Гена, ко всеобщему удивлению, справлялся с косой не хуже Володи.

— У вас что, дома корова есть? — спросил кто-то из солдат. — Вроде ты городской, а не деревенский?

— Городской, — отвечал Гена. — Только город у нас, хоть и древний, но маленький, стоит на зелёных холмах. Коров у нас не держат, а вот козы имеются. У нас тоже коза есть, зовут Виолетта.

— Виолетта? — смеялись товарищи. — Ну и имечко у твоей козы!

— А это потому, что она на балерину похожа, — улыбаясь, отвечал Гена. — И музыку любит.

— Какой же музыке отдаёт предпочтение твоя Виолетта, — классической или современной? — потешались ребята.

— Лирической, — отвечал Гена и добавлял: — А молока она даёт почти столько, сколько корова.

— А плясать она умеет?

— А петь? — слышалось со всех сторон.

— Да ну вас, — махал рукой Гена и снова брался за косу.

Когда Гену в военкомате спросили, где он хочет служить, Гена ответил:

«В пограничных войсках».

«Какая у вас профессия?» — поинтересовался кто-то из членов комиссии.

«Повар», — тихо ответил Гена и покраснел. Граница — и вдруг повар. Ну, кому он там нужен? Ещё будут смеяться. Но никто не смеялся.

«Повар — это хорошо», — сказал военком. Так Гена стал пограничником.

Но больше всего Жеке любопытно, когда солдаты показывают друг другу фотографии своих любимых девушек. Взрослые думают, что ребятам про любовь не интересно. Ничего они не понимают! Ещё как интересно! Во всяком случае, Жеке. Вот Володя Кольчугин принёс из тумбочки фотографию величиной с открытку. Жека уже не раз её видел и опять пролез поближе, рассматривает. Круглолицая девушка с длинной толстой косой — Володина невеста Таня. А у Юрочки Снегурочки на карточке девушка с короткой чёлкой. Они с детства дружат. А вот эту девушку Жека видит первый раз. Женя Гитарист отложил свою гитару и тоже показывает фотографию. Сразу видно, какая у него весёлая приятельница — вся в кудряшках, в волосах какая-то корона, как у принцессы из сказки.

У каждой девушки на лице улыбка. Кажется, что девушка улыбается тому, кому подарила фотографию. Потому что на другой стороне открытки написано: «На долгую память» или «Дорогому» — и стоит имя того, кого девушка считает дорогим. Все девушки красивые. Но самая красивая, умная и замечательная — Лида. Так считает Гена.

— Вот она — Лида! — Гена осторожно касается пальцем лица рослой девушки в центре фотографии.

Конечно, иначе ведь не узнать, где Лида. На снимке весь Генин десятый класс. Лида тоже улыбается, но кому — непонятно. Во всяком случае, не Гене. Вот он и сам, Гена, на этой фотографии. Стоит где-то сзади Лиды. Едва виднеется его чуб, глаза и половина носа. Это потому, что Гена, как он сам про себя говорит, ростом не вышел. «Ну и что же, что ростом не вышел? — думает Жека. — Зато Гена замечательный человек. Добрый и работает на своей кухне быстро и ловко».

«Повезло нам с поваром!» — хвалит Гену начальник заставы, Жекин отец.

Дружба дружбой, а служба службой

Солнце то выглянет из облаков, то спрячется. На их острове так часто бывает. Жека любит, когда светит солнце. Прибрежная полоса становится светло-жёлтой, в зелёных сопках ярко горят красные тюльпаны, синее море, отливая светлым серебром речушка. Речек на острове много. Это, скорее, не речки, а ручейки, но все называют их речками. Весной или во время дождей они наполняются водой, бегущей с сопки, и разливаются широко-широко. Неподальку от заставы протекают две таких речки. Одна — с одной стороны, другая — с другой. Сейчас они совсем узенькие и неглубокие. Жека может перейти их, не набрав в сапоги воды. Но мама строго-настрого запретила ему уходить далеко от дома. И чтобы не было споров, что такое далеко, сказала: «Гулять только от речки до речки!»

Жека ещё раз прошёлся по берегу, разглядывая на песке крестики вороньих следов, а в одном месте даже заметил отпечатки лапок. Это прибежала из сопки лисица полакомиться рыбой. Да ещё от заставы, кроме следов самого Жеки, тянутся по прибрежной полосе и уходят дальше за речку следы двух пар сапог и крупных лап Дика. Жека стоит и смотрит вдаль. Вроде там, за речкой, такой же самый берег, но Жеке очень хочется перебраться на другую сторону. Может быть, потому, что мама не разрешает этого. Ведь очень часто человеку шести лет хочется сделать именно то, что мама не разрешает. Жека оглядывается. Мама дома, и ей Жеку оттуда не видно, а больше никого вокруг нет. Ну что тут, в самом деле, такого — перейти речку? Жека, осторожно ступая по камням, переходит через водяной поток. Всё прекрасно, да вот противный бамбук. Густой, как щётка, поднимается он выше Жеки. Жека идёт по узенькой тропке, как по туннелю. Ух, кончился наконец! А дальше широкая лощина. На ней пасутся коровы и лошади. На коров Жека и не глядит, а вот лошади...

— Буланка! Здравствуй, Буланка! — кричит Жека рыжей лошади с белым пятном на лбу.

Лошадь в ответ взмахнула головой: «Привет, Жека!»

Буланка, конечно, помнит, как совсем недавно Володя Кольчугин спросил Жеку: «Хочешь покататься?» — И посадил на неё Жеку. Теперь она, наверное, хочет спросить: «Ещё прокатить?» Жаль только, что лошади не умеют разговаривать.

— Прокати! — кричит Жека и довольный возвращается назад.

Перешёл речку, осторожно ступая по скользким камням. Порядок. Никто и не узнает. И вдруг

навстречу мама. Выбежала из дому в одном платье, даже платка не накинула.

— Ноги-то сухие? Ну-ка покажи! — приказывает она. На Жекино счастье, ноги оказываются сухими. Но всё равно мама не успокаивается: — Ты почему через речку ходил? Смотри, скажу отцу!

С мамой Жека иной раз может и поспорить, например, идти гулять в куртке или в одной рубашке, ходить вдоль океана по берегу или по воде, рискуя набрать полные сапоги. Конечно, мама — женщина, и ей не всегда понятно то, что хочется сделать такому смелому человеку, как Жека. Но с отцом Жека не спорит никогда. Его с первого слова слушаются все — и солдаты, и старшина Костя, и Жека. Такой уж человек Жекин отец. Солдаты говорят о нём: «Наш майор строгий, но справедливый». И Жека тоже так считает. Очень ему не хочется, чтобы мама пожаловалась на него отцу.

Жека молчит, опустил голову. Конечно, он виноват, тут не поспоришь. Ещё раз пригрозив Жеке, мама уходит в дом. Жека стоит и размышляет, каким образом мама узнала о его проступке. Так ничего и не решив, он идёт на заставу. Дежурит Юрочка Снегурочка. Это хорошо. С Юрой можно поговорить о Дике. Жаль только, что дежурному некогда. То и дело звонит телефон или включается рация. Юра что-то записывает в журнал, иногда бежит к начальнику заставы. Едва Жека успел перекинуться с дежурным несколькими словами, как опять зазвонил телефон. Юра схватил трубку. В этот раз он почему-то слушает и смеётся:

— Когда будешь спускаться, притащи её, — говорит он кому-то сквозь смех. — Ничего, попросишь у повара двойную порцию. — И он снова смеётся.

Жека не спускает любопытных глаз с Юры. Ему очень интересно, с кем говорил Юрочка Снегурочка, и кого надо откуда притащить, и что это за такой тяжёлый труд, после которого надо съесть две порции обеда. А главное, почему Юра смеялся.

— Это ты с кем говорил? — не выдерживает Жека.

Конечно, в ответ можно услышать от дежурного: «Любопытной Варваре нос на рынке оторвали». Но сейчас Юра не напоминает Жеке про Варвару. Всё ещё улыбаясь, он говорит:

— Милка-альпинистка опять на сопку вскарабкалась. Почти к самой вышке.

Жека смеётся. Не зря корову Милку прозвали альпинисткой. Другие коровы как коровы, пасутся в лощине, где сочная трава. Иногда, если недосмотреть, могут забраться в огород или потоптать цветник возле заставы, но чтобы лазить на такую крутизну — на это способна только Милка. И лазит она туда, когда на верхнем посту дежурит Володя Кольчугин. Наверх взберётся, а вниз спускаться боится.

«Бедный Володя! — думает Жека. — Это ему после дежурства ещё и Милку вниз тащить!» И вдруг... «Не иначе, как это Володя в свою трубу увидел, как я перешёл речку, — мелькнуло у Жеки, — Увидел и позвонил маме». Обиделся Жека на Володю и пожаловался Юре:

— А ещё друг называется!

Юра в ответ:

— Дружба дружбой, а служба службой. Ты ведь приказ нарушил, а это, брат...

Жеке и возразить нечего. Сам виноват. Понимать должен: граница есть граница. Даже отец, хотя он тут самый главный, и тот, если уходит куда-нибудь, непременно сообщит дежурному: «Я на верхний пост» или: «Я на маршрут берегового наряда». Это чтобы его, если понадобится, срочно могли найти.

Дома мама готовит обед, поругивая печку, которая дымит. Жеке тоже не нравится, когда печка начинает дымить, но сейчас он даже рад этому: мама так занята, может, она позабудет, что Жека ходил на ручей, и не скажет отцу.

— Опять ветер, — говорит мама, щуря покрасневшие глаза. Наверное, похолодает. Вон Мурка к теплу жмётся.

Серая кошка Мурка лежит на кухне, поджав под себя лапки. Услышала своё имя, поднялась и села, а потом, наверное, вспомнила, что забыла умыться. Вытянула лапку, облизнула её розовым язычком и стала старательно тереть мордочку. Жека присел рядом на корточки, погладил Мурку по мягкой шелковистой шёрстке, но кошка не обратила на это внимания. Только глянула на Жеку жёлтыми глазами с чёрными полосочками зрачков, словно хотела сказать: «Видишь, каким я серьёзным делом занята?»

Мурка вообще с характером. Хочет — играет с Жекой, не хочет — убежит, сердито размахивая хвостом. А когда неподалёку появляется Дик, Мурка выгнет спину горбом, зашипит, а потом быстро-быстро вскарабкается на столб, где висят Жекины качели. Сидит на верхушке столба и презрительно смотрит на Дика.

— Мам, а Мурка боится лисиц? — спросил Жека, вспомнив отпечатки лисьих лапок на берегу.

— Боится, наверное, — сказала мама и добавила, искоса глянув на Жеку: — Вот и не бегаёт куда

не следует.

Жека сначала даже пожалел, что спросил про Мурку и лисиц, потому что понял: мама про Мурку сказала неспроста — мол, Мурка не бегает, а он, Жека, бежит. Но так как мама больше ничего не добавила, Жека опять спросил:

— А медведя Мурка боится? — И сам ответил: — Конечно, боится: Мурка маленькая, а медведь — ого-го!

Медведей Жеке не приходилось встречать, хотя на острове медведи живут. Их следы не раз видели солдаты, обходя остров. Пораздумав обо всём этом, Жека перестал обижаться на Володю.

Баннй дeнь

Утром Жека, едва открыв глаза, спросил:

— Мам, сегодня суббота?

Он и сам знал, что суббота, но проверить всё-таки не мешало: мог же он и ошибиться. В неделе вон сколько дней. Очень даже просто можно забыть про понедельник, среду или пятницу. Про вторник, четверг и воскресенье Жека всегда помнит: по этим дням, вернее, по вечерам этих дней на заставе кино. А суббота вообще день особенный: в субботу — баня.

— Сегодня суббота, — подтвердила мама, и Жека, вскочив с постели, испустил радостный вопль.

Раньше, когда Жека был маленький, он ходил в баню с мамой, а теперь ходит вместе с отцом или с солдатами.

Баня — бревенчатый домик неподалёку от помещения заставы. Туда ведёт протоптанная в высокой траве тропинка. Всю неделю домик стоит пустой и тихий. А в субботу в нём жарко и весело.

— Не торопись, — сказала мама, когда Жека завтракал. — Успеешь, только недавно затопили.

Но Жеке всё равно не терпелось.

— Собери, пожалуйста, чистое, — попросил он, как отец.

— Уже собрала, — ответила мама.

Жека схватил узелок с бельём и побежал на заставу.

Дежурил сегодня молодой солдат, рыженький, с веснушками, который приехал на заставу вместе с Женей Гитаристом. Звали его Саша. Больше Жека о нём ничего не знал. Саша был тихий, не очень заметный, и Жека очень удивился, увидев его за столом дежурного.

«Дежурным не каждого назначишь, — говорит старшина Костя. — Дежурный должен быть толковым и расторопным». И Жека согласен с ним.

На столе дежурного и рация, и пульт с лампочками, и телефон. Попробуй управься со всем этим. Ему, бывает, и поесть некогда. Вот и сейчас повар Гена позвал Сашу:

— Завтрак на столе. В который раз грею.

— Ладно, — кивнул Саша и побежал в столовую.

Жека остался сидеть возле стола дежурного. Саша ещё, наверное, и есть не начал, как на пульте загорелась лампочка и послышался похожий на жужжание шмеля, только погромче, звук. Так жужжит зуммер.

— Рация! — закричал Жека.

Опять он хоть немного, да помог дежурному. Неважно, что зуммер хорошо слышен в столовой, и Саша уже мчится к своему столу и хватается наушники:

— «Сокол», «Сокол», я «Чайка»!

Жека не слышал, что сообщил дежурному «Сокол», но сообщение было, наверное, очень важным и срочным, потому что Саша торопливо произнёс:

— Вас понял. Сейчас доложу начальнику заставы. — И тут же соединился с Жекиным отцом.

Жека тоже было сунулся к наушникам, но Саша уже переговорил с канцелярией.

— «Сокол», «Сокол», — закричал он, — оружие применить только в крайнем случае!

Услышав это, Жека даже про баню забыл, так и застыл возле дежурного с узелком в руках. «Оружие применить только в крайнем случае!» — таков приказ начальника заставы, Жекиного отца. Значит, береговой наряд обнаружил кого-то чужого, опасного, против которого хоть и в крайнем случае, но всё же надо применить оружие. «Кто же это может быть?» — думал Жека, но спросить не решался. Да Саша и занят был: вызывал вездеход. А ещё через несколько минут вышел Жекин отец. Может быть, он спешил туда, где находился «Сокол», передавший такое тревожное сообщение, и потому дежурный срочно вызвал вездеход. Вот сейчас прозвучит сигнал тревоги, мигом поднимет всю заставу. Но сигнал тревоги не раздавался. Отец на ходу только спросил дежурного:

— Что «Сокол»?

— Никаких сообщений больше не поступало, — отвечал Саша.

Отец ничего не добавил, потрепал Жеку по голове и сказал дежурному:

— Я на пост наблюдения.

Вездеход уже стоял возле крыльца. Отец быстро сел рядом с водителем, и вездеход тронулся в путь.

Чтобы не мешать дежурному, Жека вышел и сел на ступеньках крыльца. Отсюда ему было слышно, что говорит Саша по телефону и радиии. Вдруг да он опять свяжется с «Соколом»! Вышел повар Гена со свёртком чистого белья, а с ним двое молодых солдат первого года службы.

— Пошли с нами! — позвал Гена Жеку. — Ребята свежих берёзовых веников наломали. И в баньке сейчас свободно.

В другое время Жека непременно пошёл бы в баню вместе с Геной. С Геной в бане весело. Худенький, невысокого роста, Гена похож на мальчишку. И балуется в бане, как мальчишка. Наберёт полную шайку и неожиданно окатит Жеку тяжёлым шлепком воды. Попросит кого-нибудь из ребят: «Ну-ка, поработай веничком!», а когда его начинают хлестать по спине душистым берёзовым веником, он хохочет и визжит на всю баню. Гена верно сказал: в бане сейчас просторно. Утренние наряды ещё не вернулись на заставу, а ночные отсыпаются после дежурства. Остальные солдаты ушли с Костей на стрельбище. А Гене сейчас самое время попариться в баньке. Завтрак он приготовил, обед наладил — мойся в своё удовольствие. Жека уже хотел двинуться вместе с Геной по тропинке к банному домику, но передумал. Решил дожидаться, когда вернутся береговые наряды. Может, тогда он узнает, что случилось с «Соколом». Сидит Жека на крыльце, прислушивается к тому, что говорит Саша, а сам думает: «Кто сегодня в береговом наряде? Юрочка Снегурочка — это точно. А вот ещё кто с ним?» Жека пытается вспомнить и не может. Но это не так уж важно. Главное — не пропустить возвращение наряда.

Вот уже и Гена с молодыми солдатами успели попариться в бане и теперь возвращаются довольные, с покрасневшими лицами.

— А ты всё сидишь? Прогadal! Первый пар — он самый полезный! — сказал Жеке Гена.

— Баня — первый класс! — подтвердили солдаты.

Гена заторопился на кухню, солдаты тоже ушли. Жека вздохнул, положил свой узелок с бельём на ступеньку и вернулся к дежурному.

Тёзка

Время уже движется к полудню.

Из спальни без куртки, в нижней рубашке не спеша вышел Женя Гитарист. Жека сразу догадался: Женя отсыпался после ночного дежурства. Женя потянулся, зевнул и сказал Жеке:

— Привет, тёзка!

Саша кончил говорить по радиии, и Женя подошёл к дежурному:

— Слушай, друг, ты на будущее замечай себе: сначала подойди и вежливо спроси: мол, уважаемый, дорогой Евгений, можно ли тебя разбудить или ещё подождать немного? А то что же получается? Я смотрю сон, который, можно сказать, мою судьбу решает, а ты вот так взял и без спросу разбудил в самом ответственном месте. Непорядок!

— Как же тебя спросить, ежели ты спишь и сон видишь? — улыбаясь, сказал кто-то из ребят, тоже вышедших из спальни.

— Ну, тогда и будить не надо, пока сон не кончился.

— Что же тебе такое приснилось?

— А приснилось мне, — торжественно говорит Женя, — что я своей девушке в любви объяснился. Объясниться-то объяснился, а вот что она мне ответила, этого дежурный не дал досмотреть. Теперь жди, когда она мне опять приснится.

Пока Женя свой сон рассказывал, вокруг него уже целый кружок слушателей собрался. Но тут появился старшина Костя.

— Рядовой Прокушев, долго будем хихоньки да хахоньки разводить? А ну, марш в умывалку, и чтобы через пять минут был готов проследовать в столовую!

— Есть через пять минут проследовать в столовую! — звонко отвечает Женя и не спеша направляется в умывалку, — Ну что, тёзка, время подзаправиться? Ты как считаешь? — говорит он, выйдя из умывалки, Жеке, потому что сказать ему больше некому.

Пока Женя умывался, другие солдаты, тоже отоспавшиеся после ночных дежурств, уже завтракают. Женя, надев куртку, отправляется в столовую.

— Подтяни ремень! — говорит своему тёзке Жека.

Он знает: увидит старшина Костя плохо затянутый ремень или незастёгнутые пуговицы и сделает замечание. Женя подтягивает ремень, расправляет складки куртки.

— Вот теперь порядок! — говорит Жека так, как сказал бы старшина Костя.

Женя никогда не унывает. Вот он сел за столик в столовой.

— Повар! — кричит он. — Что у нас сейчас — поздний завтрак или ранний обед?

Гена, улыбаясь, выглядывает из окошка раздаточной.

— У тебя второй завтрак, — смеясь, отвечает он Жене. — Первый ты умял, когда вернулся с дежурства.

— Разве? — удивлённо говорит Женя. — Что-то не помню. Склероз. Ну ладно, спорить не буду. Я и на второй завтрак согласен. Итак, подай-ка ты, пожалуй, салат оливье, бифштекс с картофелем фри, а на закуску тушёнки с рожками.

— Гляди не объешься! — смеётся Гена. — А то живот заболит. Советую тебе ограничиться закуской.

— Уговорил, — важно отвечает Женя, — тащи сюда свою закуску, да побольше.

Женя бы, наверное, просидел в столовой подольше, но в дверях появляется старшина Костя.

— Рядовой Прокушев, чтобы через пять минут быть на хозяйственном дворе.

— Есть через пять минут быть на хозяйственном дворе, — бодро отвечает старшине Женя.

Он ещё вчера вечером на боевом расчёте, когда отдаются приказы, получил распоряжение после дневного отдыха работать на хозяйственном дворе. Володя Кольчугин, в распоряжение которого поступил Женя, уже там. Володя — тот самый, который приехал на заставу не из деревни, а из села, — тоже лучший друг Жеки. Жека его сегодня ещё не видел, и он вместе с Женей идёт на хозяйственный двор.

На хозяйственном дворе стоит большой сарай со стойлами для лошадей и коров. Сейчас в нём пусто. И лошади и коровы пасутся в лощине под сопкой. Володя чистит стойла. Он показывает Жене на вторую лопату.

— Вас понял, — отвечает Женя и нехотя берёт лопату.

Некоторое время Володя и Женя работают молча, но долго Женя молчать не умеет.

— Вообще-то я везучий, — говорит он. — Решил учиться — с первого захода поступил в институт. Захотел в погранвойска — и на тебе, Курилы. Тут на одном из островов мысок имеется под названием Край Света.

Женя, чуть улыбаясь, стоит, опершись на лопату. Его серые глаза мечтательно смотрят куда-то вдаль.

— Шлю вам пламенный привет с Края Света. Звучит?

— Звучит, — откликается Володя и язвительно добавляет: — Только ты, друг, на краю света про лопату не забывай. Тут, на Курилах, ещё много чудес увидишь, но лопаты тут сами по себе не работают.

— Какая жалость! — восклицает Женя и нехотя принимается убирать стойло. Через некоторое время он сердито втыкает лопату в землю: — Вот уж не думал, что на границе придётся коровьи лепёшки убирать!

— А что ты думал? — насмешливо спрашивает Володя.

— Ну, учиться стрелять, читать следы, осваивать технику...

— А постельку твою пускай бы застилала няня, да по-быстрому. Наш старшой «тары-бары-разговорчики» не любит, — посмеивается Володя. — А тут — вот беда — и полы нужно вымыть, и на огороде повкалывать. А что касается знаний, которыми должен владеть пограничник, то ты прав. Майор что ли зря почти каждый день занятия проводит, каждую мелочь старается до ума довести? Ну, и старшина тоже. Так что старайся, овладевай.

Жека, пожалуй, больше согласен с Женей. Жека и сам не очень любит застилать свою постель, да ещё аккуратно, и с коровами возиться, по его мнению, тоже не очень интересно. Лошади — это да! А коровы? Ну, что в них такого? Му да му — ничего я не пойму. То ли дело наблюдать с вышки, ходить с оружием и рацией в наряд или читать следы. Всему этому учит солдат отец, а старшина Костя помогает ему. Жека тоже уже кое-что знает. Оказывается, по следу можно узнать, какого роста прошёл человек — высокий или низкий, шёл он быстро или медленно, налегке или с грузом. Только узнавать это Жека не умеет, а пограничники умеют.

— Однако уже пора доить коров, — говорит Володя Жене. — Пригони-ка их из лощины.

Пока Женя ходил за коровами, Володя принёс вёдра для молока, старательно вымыл руки — Жека поливал ему из ковшика.

— Расскажи, как вы Дика сухарями кормили, — попросил он.

— Так ведь ты знаешь.

— Ну и что?

— Шли мы по береговому маршруту — я и Юра, ну, и Дик с нами, — начал Володя. — Даже до скал не успели дойти, начался буран.

— Это когда нас с мамой снегом завалило, — вставляет Жека.

— Вот-вот. А на берегу что творилось! Кружит, вертит, прямо на ходу следы замечает. Не поймёшь, где берег, где океан. Мы по рации на заставу: так, мол, и так. Что делать? Получаем приказ: на время бурана укрыться в обогревательном домике. Ты видел такие избушки по маршруту?

— Видел, — кивает Жека. — Там и печка, и дрова.

— И небольшой продуктовый запас, — добавляет Володя. — К домику этому мы и вышли благодаря Дику. Его уже выше дверного проёма завалило. Отгребли мы кое-как снег — отгребать-то пришлось руками, — протиснулись внутрь, затопили печурку. И только тогда почувствовали, какие мы голодные. Вскипятили чайник, нашли запас сухарей и сахару. Я свои сухари мигом сгрыз, запил сладким чаем. Смотрю, а Юрка пустой чай пьёт. «Ты чего?» — спрашиваю, а он на Дика кивает.

— А Дик? — спрашивает Жека.

— Дик, конечно, тоже голодный, но есть не просит. Опустил морду на лапы и лежит. Юрка размочил свои сухари в чае и скормил их Дику. Сидим, ждём, когда буран утихнет, а я сам себя ругаю: свой-то запас я съел, а Юра голодный.

«Вот он какой, Юрочка Снегурочка!» — с гордостью думает Жека.

— А Дик понял, что Юра ему свои сухари отдал? — спрашивает он Володю.

Не успели Жека с Володей выяснить этот важный вопрос, как Женя уже пригнал коров.

— Пограничник-дояр прибыл на коровье стойло для прохождения дальнейшей службы! — дурашливо отрапортовал он Володе.

Но Володя не рассердился, сказал насмешливо:

— По поступившим от повара данным, вы, милорд, очень даже уважаете свеженькое молочко. Оно и понятно: такого небось даже в городе не пробовали. Возражения имеются?

— Данные правильные, — вынужден был признать Женя.

— Ну, а если молочко уважаешь, учись коровушку доить.

— Логика железная, — сказал Женя и лихо сдвинул на затылок свою зелёную пограничную фуражку.

— Ты с коровушками поласковой, — посоветовал Володя. — Вот например. Знакомься! Зовут Милкой. Она с характером. Не понравится ей что-нибудь, она брык — и опрокинет ведро с молоком. Или того хуже — рогами саданёт.

— Да-а, — протянул Женя, опасливо глянув на Милку. — Служить на границе — и получить ранение от бурёнки. Как говорится, нарочно не придумаешь.

— Вот и я говорю, — засмеялся Володя и начал доить Милку.

«Оружие применить в крайнем случае»

Жека спохватился. Ему уже давно пора к дежурному. Может, Саша что-нибудь скажет про «Сокола». Оказалось, что береговой наряд уже вернулся. Дик отдыхал в вольере, а Юрочка Снегурочка парился в бане. Жека мигом схватил свой узелок и побежал в баню. Едва он вошёл внутрь банного домика, его окутала тёплая туманная волна. Жека даже не сразу разглядел Юру. Тот уже напарился и стоял под душем. Жека сбросил одежду и тоже побежал под душ.

— Стой! — поймал его старшина Костя. — А мыться кто будет?

Мыться в бане с солдатами хорошо. Только не сейчас ведь! Юрочка Снегурочка может уйти. Ищи его потом! А Костя, как назло, мылит и мылит мочалкой. Ой, и голову намылил, и лицо. Ну наконец-то отпустил. Жека даже один глаз приоткрыл: тут ли ещё Юра? Вредное мыло щиплется. Скорее под душ! Главное, ополоснуть лицо. И вот уже Жека сидит в предбаннике рядом с Юрочкой Снегурочкой.

— Хорошо после баньки! — довольным голосом протянул Юра, надевая чистое бельё.

Настроение у него отличное. Сейчас самый подходящий момент расспросить Юру.

— В кого это вы там стрелять хотели? — задал Жека, наконец, вопрос, который не давал ему

покоя с самого утра. Он и теперь опасался, что Юра не ответит — отшутится, и всё. Граница есть граница. Но Юра на вопрос Жеки ответил улыбаясь:

— Михаила Ивановича встретили.

— Медведя? — Жека и верил и не верил Юре, но Юра, хотя и продолжал улыбаться, ответил серьёзно:

— Его самого. Идём по маршруту, всё чин чинком, и вдруг Дик как рванёт поводок! Шерсть дыбом, рычит. Мы приостановились, пригляделись — бамбук шевелится, и кто-то сопит. Мы там и раньше следы находили, а тут неожиданная встреча носом к носу. К океану пришёл, рыбки, наверное, половить.

— А вы его стрелять хотели! — с упрёком сказал Жека.

— Да нет. Просто доложили на заставу, как положено. Всё-таки зверь, неизвестно, как себя поведёт.

— А как он себя повёл?

— Солидно, — засмеялся Юра. — Посопел, посопел и потопал напролом через бамбук.

— А вы его видели?

— Видели. Сначала он на задних лапах пробирался, голова поверх бамбука мелькала. А потом вышел на ложбину и зачесал на всех четырёх, да так быстро!

Жека с завистью слушал Юру. Вот бы ему пойти с пограничным нарядом! Но об этом даже просить не стоит — это Жека и сам понимал. А Юра, словно угадав его мысли, сказал:

— Как-нибудь сходим с тобой к скалам, где нерпы лежище облюбовали. У них уже детёныши появились.

Солдатское дело

Только недавно шёл дождь, и вот уже висит в пёстром от белых барашков небе солнце — ясное-ясное, словно его только что вымыли в океане и начистили прибрежным песком, как мама чистит кастрюли и сковородку. Вылезли из-под крыльца куры. Каждый раз, как только начинается дождь, они прячутся под крыльцо. А спать вечером уходят в сарай. Но иногда и днём какая-нибудь курица забьётся в сарай сядет в ящик, где мама постелила травки, и сидит там тихо-тихо. А потом выскочит и закудахчет изо всей силы. Это чтобы все знали, что она снесла яйцо. Жека зашёл в сарай, заглянул в ящик, достал яйцо. Нести его трудно. Не потому, что оно тяжёлое, — непонятно, как его лучше держать. Если некрепко, то оно может выкатиться из рук и разбиться, если крепко, то может хрупнуть нежная скорлупа. Яйцо белое-белое и ещё немного тёплое. Жеке кажется, что оно живое. Потом, когда оно полежит в коробке вместе с другими яйцами, оно уже перестанет быть живым. Его можно опустить в кастрюльку с водой, можно пожарить. Но это уже просто еда.

Отдав маме яйцо, Жека стоит и раздумывает, чем бы заняться, и вдруг видит: неподалёку от заставы стоит машина. Из-под машины видны сапоги и форменные брюки. А того, кто лежит под машиной, не видно. Но Жека и так знает: это Алёша. Машина опять забарахлила, и Алёша её чинит. Жека подбежал, присел на корточки возле машины. Он верно угадал: под машиной лежит Алёша.

— Привет! — говорит Жека.

— Сцепление полетело, — натужным голосом откликается из-под машины Алёша.

Жеке не ясно, что такое сцепление и куда оно полетело, но зато совершенно ясно, что у Алёши беда. Вот и дежурный — а дежурит сегодня Юра — сбежал с крыльца и быстрыми шагами подошёл к машине:

— Ты долго ещё ковыряться будешь? Майор ждёт!

Алёша вылезает из-под машины. Всегда аккуратный и подтянутый, сейчас он весь мокрый и грязный — надетый поверх куртки бушлат перемазан, и брюки, и даже лицо в чёрных разводах.

— Ведомого диска другого нету, а его, чёрта, покорило, — виноватым голосом говорит Алёша.

Забирается в машину, нажимает там на что-то, и машина двигается с места, но при этом она рычит так громко и сердито, что даже Жека понимает: Алёше до зарезу нужен непокоробленный ведомый диск. Алёша останавливает машину и опять залезает под неё. Юра уже убежал, а Жека очень бы рад помочь Алёше, но не знает, как и чем он может помочь. К сожалению, ничем. Постояв ещё немного возле машины, Жека идёт вслед за дежурным. Юра занят, в столовой никого. Жека уже поворачивается, чтобы уйти, но тут в окошке раздаточной показывается Гена.

— Иди сюда! — зовёт он Жеку и протягивает ему большой кусок хлеба с маслом. — Отнеси Алёше. Он с утра не евши.

Жека со всех ног несётся к машине. Алёша уже опять вылез из-под неё и садится на сиденье. Жека суёт ему хлеб с маслом. Алёша, вздохнув, берёт его грязными руками и быстро жуёт, а сам при этом снова запускает машину. Может, Алёше всё-таки удалось починить этот ведомый диск? И начальник заставы, Жекин отец, скажет: «У Алёши золотая голова и золотые руки!»

Ну и погода у них на острове! Только что сияло солнце, весело бежали лёгкие белые барашки, и вдруг с океана напозла громадная чёрная туча, закружилась над островом и обрушилась мокрым дождём. Может, кто-нибудь удивится: «А разве бывает немокрый дождь?» Бывает. Так, по крайней мере, считает Жека. Это мелкий, медленный дождик. Он сеется и сеется потихоньку. При таком дождике и гулять можно. Застегни на куртке молнию, натяни капюшон, и всё. Даже мама не скажет: «Иди домой!» А этот — мокрый дождь — бьёт со всех сторон густо и крепко. Жека, пока добежал от машины до помещения заставы, весь вымок. Катятся струйки воды по оконным стёклам, бегут ручейками по земле. А Алёша всё лежит там под машиной. Он — солдат, и должен делать своё солдатское дело и в дождь, и в жару, и в мороз, и в метель.

— Сними свою куртку и отнеси в сушилку! — говорит Жеке дежурный Юра.

Жека стягивает с себя куртку и идёт. Возле сушилки небольшой полутёмный коридорчик. Сейчас тут полно народу. Даже солдатам, занимавшимся на учебной полосе, старшина Костя отдал команду: «На заставу бегом! Марш!» В сушилке почти над самым полом тянутся горячие трубы. Над ними вешалка с крючками. Горячий воздух идёт от труб вверх. Здесь всё быстро сохнет. Солдаты уже пристроили в сушилке кто фуражку, кто куртку. И Жекину куртку тоже повесили. А сами толкуются в коридорчике. Перекур. Нет такого приказа в армии, который запрещал бы солдатам курить, но Жекин отец и сам не курит, и ребятам говорит:

«Нечего отравлять себя. И привыкать незачем к поганой этой соске».

Ни в спальне, ни в столовой, ни в Ленинской комнате, ни в физкультурном зале у них на заставе курить не разрешается. А те, кто уж очень желает себя отравлять, потихоньку затягиваются сигаретой разок-другой в этом коридорчике. Остальные так просто здесь стоят, за компанию. И Жека стоит и слушает.

— У нас в Сибири если лето — значит, лето. А зима — значит, зима. Климат здоровый, — это говорит Володя Кольчугин.

— И грибы у вас как грибы, и малина как малина!.. — Это весёлый голос Жекиного тёзки Жени.

— Тебе бы только хихоньки да хахоньки, — прерывает Женю старшина Костя.

— «И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадёт...» Верно я говорю, тёзка? — наклоняется Женя к Жеке.

Вот и Алёша появился. В руках у него набухший от воды бушлат. И даже куртка насквозь мокрая.

— Ну как? Ты — её или она — тебя? — спрашивает Женя про машину.

— Сдалась на милость победителя. До следующего раза.

Алёша кладёт свой мокрый бушлат прямо на огненно-горячую трубу. С него на пол капает вода.

— Умоюсь — и спать, — говорит Алёша.

— Ты сначала горячего поешь, — советует Костя.

— Солдат спит — служба идёт, — вставляет Женя. — Восемь законных часов отдай, и ни минутой меньше.

Оказывается, солдату положено спать восемь часов в сутки. А Жека и не знал. Алёша уходит.

— На учебную полосу марш! — командует Костя.

Солдаты выбегают из сушилки. Жека пристраивается возле дежурного.

— Юра, — озабоченно спрашивает он, — а Дик не промокнет?

— Чего ему сделается? — отвечает Юра. — Спит небось. Под дождик всем хорошо спится.

«И правда, — думает Жека. — Вот и Алёша, наверное, спит крепко-крепко. Ещё бы! Ночью на посту наблюдения дежурил, а потом вот машина испортилась, пришлось её ремонтировать. Зато теперь Алёша будет спать свои законные восемь часов. И Жека рад за Алёшу.

— Юр, а ты любишь спать? — спрашивает Жека.

— Спать? — Юра не успевает ответить. Над заставой громко ревёт сирена.

Тревога!

Тревога!

Тревога!

Жека даже не успел натянуть свою куртку, как заставка наполняется грохотом бегущих ног. С хозяйственного двора, с учебной полосы — отовсюду мчатся солдаты. Вот из спальни выскочил Алёша,

так и не доспавший свои восемь часов. Из кухни бежит повар Гена. Он уже не в белом колпаке и не в белом халате, а, как и все остальные, в форме. Дежурный уже открыл комнату, в которой хранится оружие. И последнее, что видит Жека, — это как солдаты расхватывают автоматы. А Жека, набросив незастёгнутую куртку, бежит домой — к маме. Таков приказ отца. Если на заставе тревога, Жека должен быть возле мамы. Граница есть граница. Нельзя же в минуту опасности оставлять женщину одну.

Мама вышла на крыльцо и стоит рядом с Жекой. Им видно, что солдаты уже в полном боевом снаряжении выстроились строем у здания заставы. А отец, взглянув на часы, обходит строй, внимательно осматривая каждого солдата — и как одет, и в порядке ли оружие. Вот он остановился возле Алёши, вот возле Володи, вот возле Гены... А дождь всё льёт и льёт, но кто же будет теперь обращать на него внимание, если прозвучала тревога?

Отец что-то говорит солдатам, и они расходятся. Понятно: тревога была учебной. После неё отец соберёт солдат и о каждом скажет, что тот сделал верно, а что — неправильно. Кто успел встать в строй вовремя, кто опоздал на полминуты или даже на целую минуту. Одна минута! Всего одна минута! Такая малость! Стоит ли про неё говорить? Но так могут думать люди, которые не знают солдатской жизни, и особенно жизни пограничников.

Чудо-юдо рыба-кит

Жека, как всегда, с утра заглянул на заставу. Дежурный Алёша, не отрываясь от телефонной трубки, кивнул Жеке, а потом прикрыл трубку и почти что шёпотом сказал:

— Беги на хозяйственный двор!

— А что там? — так же шёпотом спросил Жека.

— Чудо-юдо рыба-кит, — ответил Алёша и заговорил по телефону.

Жека побежал на хозяйственный двор. Сначала он ничего особенного не увидел. Во дворе пусто. Что тут интересного? Вдруг из сарая вышел Женья:

— Привет, тёзка! — Поставил возле стены лопату и поманил Жеку в скрытый кустами тихий уголок.

Жека двинулся за ним и вдруг увидел в щель между кустами два огромных глаза. Они смотрели доверчиво и печально.

— Ой, кто это? — спросил Жека тихим голосом, чтобы не испугать печального незнакомца.

— Чудо-юдо рыба-кит, — ответил Женья и добавил: — Нерпёнок. Совсем ещё маленький.

— А откуда он тут? — Жека спрашивал, а сам продолжал разглядывать нерпёнка.

— Мы с Володиёй сегодня шли береговым дозором, проходили по скалам, где у нерп лежбище. Нерпы, видимо, испугались и попрыгали в воду, а этот остался. Мы поглядели, а у него на боку рана. Наверное, волной об острый камень шарахнуло. Вот он и не мог уплыть. Лежит и смотрит на нас. Да так жалобно.

— И вы его притащили?

— Ты что, службы не знаешь! Ведь мы в наряде были. Когда вернулись, доложили всё, как положено, и попросили у начальника заставы разрешения сходить за ним.

— И он разрешил?

— Разрешил.

Жека слушает и думает об отце — какой он добрый. Ведь если бы этого раненого нерпёнка оставили там одного на скалах, он мог бы погибнуть.

— Так вы что, опять к скалам ходили? — спрашивает Жека.

— А как же! Оно, конечно, неблизкий путь — за семь вёрст киселя хлебать. Но ничего. Взяли брезент и так на брезенте и принесли.

— А как его зовут? — спрашивает Жека.

— Не знаю, как его мама нерпа звала, — смеётся Женья.

— А пусть он будет Малыш? Ладно? — сказал Жека.

— Малыш так Малыш, — согласился Женья и добавил: — Может, подлечим его. Володя ему рану какой-то лошадиной мазью смазал. Только вот беда: как его кормить, не придумаем. Он, видно, ещё мать сосал. Мы тут попробовали молока дать из миски, а он не пьёт.

Постояв ещё немного возле нерпёнка, Женья ушёл в сарай чистить стойла. А Жека присел на корточки и продолжал смотреть на Малыша. И тот тоже лежал тихонько и смотрел своими огромными глазами на Жеку. Может, он про Жеку тоже думал: «Чудо-юдо рыба-кит». Жека сидел и размышлял:

«Как же всё-таки его накормить?» И вдруг придумал. Побежал в сарай.

— Женя, Женя, — закричал он, — может, ему из соски дать молока?

— Мы уже думали об этом. Только где ты соску возьмёшь?

— У нас дома есть! — закричал Жека. — У мамы!

— Кого же она из соски кормит? Тебя, что ли? — засмеялся Женя.

— А она никого не кормит. Она соски надевает на бутылки со смородиновым соком. — И Жека со всех ног помчался домой.

Маме тоже захотелось посмотреть на Малыша. Она вынула из ящика соску, захватила бутылочку и пошла вместе с Жекой на хозяйственный двор. Мама налила в бутылочку молока, натянула соску и поднесла её к мордочке Малыша.

— Ешь, ешь, — уговаривал Малыша Жека. — Это Милкино молоко. Знаешь, какое оно вкусное!

Но Малыш не брал соску.

И вдруг мама тихонько сказала:

— Смотрите, кажется, сосёт.

И Жека и Женя наклонились над Малышом. Молоко в бутылочке быстро убывало.

— Ну, молодец! — похвалила Малыша мама.

Жека хотел погладить нерпёнка, но вдруг услышал голос отца:

— Не трогай его, сынок. Не пугай. Он теперь сыт, и надо оставить его в покое. Он заснёт, а во сне и рана скорей затянется. Можно будет отнести его обратно на лежбище.

— А пускай он у нас живёт! — сказал Жека. — Я с ним играть буду.

Отец покачал головой:

— Нет, сынок, он не сможет жить у нас. Нерпы живут стаями. Одному ему будет плохо среди людей. Посмотри, какого цвета у него шкурка?

Жека посмотрел:

— Беленькая.

— Верно. У малышей нерпы шкурки беленькие. Их даже называют бельками. А у нашего, видишь, она уже кое-где с серыми и даже рыжеватыми волосками. Это значит, он подрастает. Ты ведь видел взрослых нерп. Они тёмные. Вот и наш Малыш темнеет. Скоро он должен научиться добывать себе еду. Как же он сможет это сделать, если его не будет учить мама нерпа?

Жека тяжело вздохнул, но был вынужден согласиться с отцом. Если бы его, Жеку, забрали к себе нерпы, ему бы тоже было плохо. Пусть Малыш скорей поправляется и живёт со своими нерпами.

Володя хорошо лечил Малыша. Через несколько дней рана у него затянулась. Малыша в последний раз накормили Милкиным молоком. Потом Женя с Юрой принесли брезент и осторожно положили на него Малыша.

— До свиданья, Малыш! — сказал Жека. Хотел сказать это весело, но голос у него дрогнул, и на глазах сами по себе появились слёзы. Слёз, конечно, ни Женя, ни Юра не заметили, потому что Жека отвернулся. Но Юра вдруг сказал:

— Беги к маме, спроси, может, отпустит тебя, и мы вместе отнесём Малыша на лежбище. Правда, туда идти далековато, — добавил он, но Жека уже не слышал этих слов — он бежал домой...

«Эй, медведь, мы тебя не боимся!»

И вот Женя, Юрочка Снегурочка и Жека тронулись в путь. Малыш лежал на брезенте, как в гамаке. Женя и Юра несли Малыша, а Жека шагал рядом. Они быстро дошли до речки, перешли её по камешкам. Жека оглянулся. Позади была видна застава, сбоку от неё Жекин дом, а по песчаному берегу тянулась цепочка следов — от двух пар больших солдатских сапог и от маленьких, Жекиных. Наверное, с верхнего поста часовому в его трубу хорошо были видны Женя и Юра, несущие Малыша, и Жека, но теперь Жека мог быть спокоен, он не нарушил приказа, а так же, как и Юра с Женей, получил разрешение сделать очень важное дело: отнести Малыша к нерпам.

Они долго шли по песчаному берегу, потом бамбуковые заросли подступили почти что к самой воде.

— Смотри, — сказал Женя, указывая рукой на узенькую полоску прибрежного песка, и Жека увидел след. Нет, не от солдатских сапог, а от двух больших широченных лап.

— Ой, — почему-то прошептал Жека, — медведь?

— Он самый.

Жека, несомненно, был человеком храбрым, но сейчас он вспомнил, как «Сокол» передал по

рации, что встретил медведя и получил приказ оружие применять только в крайнем случае. Значит, всё-таки может быть этот крайний случай? А ни у Жеки, ни у Юры, ни у Жени нет с собой оружия. И даже Дика с ними нет. Что, если медведь спрятался в зарослях бамбука и следит за ними? А он, Жека, как раз идёт с краю, возле самых зарослей. И Жека придвинулся поближе к шагавшему рядом Юре. А Женя сказал:

— След старый. Видишь, его немного размыло.

Жека обвёл повеселевшими глазами заросли и громко крикнул:

— Эй, медведь, мы тебя не боимся!

Правда, он вскоре пожалел, что так крикнул, потому что им пришлось пробираться через эти заросли. Женя теперь шагал впереди, одной рукой раздвигая бамбук, а другой держа брезент. За ним шёл Юра, а Жека замыкал шествие. Жене и Юре было хорошо: бамбук им доходил только до пояса, а вот Жеке ничего не было видно, кроме густо прижавшихся друг к другу тонких бамбуковых стволов и синего неба над головой.

Но Жеке некогда было смотреть на небо. Он то и дело спотыкался и падал, рискуя отстать от Жени и Юры. Хорошо ещё, что Юра всё время окликал его, а потом даже протянул ему руку. Так что теперь он одной рукой держал брезент с Малышом, а другой — Жеку.

Наконец заросли кончились. Дальше громоздились серые камни, с берега уходившие в океанскую воду. Жеке пришлось отпустить Юрину руку. Юра ловко перескакивал с камня на камень. Женя следовал за ним. Теперь он прыгал по камням лучше, чем тогда, когда они с Володей Кольчугиным вместе взбирались на верхний пост. А Жека карабкался следом на четвереньках. Камни были мокрые и скользкие. Один раз Жека даже больно ушиб коленку, но всё-таки он не пожалел, что пошёл с Юрой и Женей. И особенно обрадовался, когда услышал, как Юра говорит Жене:

— А Жека-то наш — хоть и мал золотник, да дорог.

Правда, Жека не понял, что такое золотник и почему он дорог, но догадался, что Юра похвалил его. Теперь даже по камням стало карабкаться вроде бы легче.

— Смотри, кто идёт! — сказал Юра.

Жека поднялся с четверенек и увидел приближающийся береговой наряд — Володю и рыженького Сашу с автоматами и рацией. Это было замечательно! Сколько раз, провожая уходивший с заставы наряд, Жека мечтал пойти вместе с ним. А теперь получалось, что и он как бы тоже в наряде. Ничего, что у него нет ни автомата, ни рации, но он прошёл почти весь трудный маршрут, по которому ходит береговой наряд.

— Привет новому пополнению! — сказал Володя, когда наряд приблизился к ним. — Ну как, привыкаешь?

— Привыкаю, — ответил Жека и добавил: — Тут даже потрудней, чем на учебной полосе.

— Слышал? — весело спросил Володя Сашу и, кивнув Юре, Жене и Жеке, вместе с Сашей двинулся дальше.

— А нерпы на месте? — обернувшись, крикнул Жека.

— Где ж им быть? За скалой греются на солнышке, — отвечал Володя.

Малыш беспокойно ворочался. То ли ему надоело лежать в гамаке, то ли почувствовал близость нерп.

Хоть и казалось, что скала находится совсем недалеко, добираться до неё пришлось ещё долго. Камни громоздились всё выше. Юрочка Снегурочка глянул на усталого Жеку и подбодрил:

— Вон до той гряды всего-то и осталось.

И правда, нагромождение камней внезапно кончилось. Казалось, что под скалой какой-то великан уложил их ровным слоем. Здесь, как на площадке, лежали нерпы. Жека их даже не сразу увидел — думал, камни. Нерпы, почуяв людей, заворочались и нехотя попрыгали в воду. Юра, Женя и Жека спустились под скалу, расстелили брезент и, сняв с него Малыша, положили его на камни. Вокруг из воды торчали похожие на водолазов головы нерп.

— Ну, Малыш, будь здоров! — сказал Юра.

— Будь здоров! — повторил Жека. — Раста большой!

— Отойдём немного в сторонку и посмотрим, как нерпы примут нашего Малыша, — сказал Юра, свернул брезент, взял его под мышку, и они втроём спрятались за камнями.

Некоторое время Малыш лежал на площадке один, но вот из воды выползла одна нерпа, другая, третья... И вскоре вся площадка уже была занята нерпами. Теперь уже нельзя было разглядеть, где там среди них Малыш.

На обратном пути Юра хотел посадить Жеку на спину, как это когда-то сделал Володя, но Жека

отказался. Домой Жека возвратился, когда уже стало темнеть. Даже не поужинав, он лёг в постель и тотчас заснул. Он не слышал, как пришёл отец, как мама рассказывала ему:

— Ну, сын наш в первый наряд ходил. Уморился. Я сначала его отпускать не хотела — далеко. А потом думаю: ничего, пусть устанет — крепче спать будет. А ещё подумала: пусть он сам увидит, что Малыша отнесли домой, осознает, что ему там будет лучше.

— Ты у меня молодец, мать! — сказал отец, подошёл к постели крепко спавшего Жеки и долго смотрел на него.

Вертолёт

Мама развешивает бельё на длинной верёвке, протянутой от дома до столба перекладины, на которой обычно подтягиваются солдаты. Вчера у мамы была стирка, и теперь на верёвке болтались простыни и наволочки, размахивали рукавами нижние рубашки.

Стирает мама в банном домике. Однажды Жека слышал, как она сказала папе: «Я прачка с высшим образованием». Голос у мамы был грустный, а отец посмотрел на маму так, словно был перед ней в чём-то виноват.

Когда отец ушёл, Жека спросил маму:

«Мам, ты прачка?»

«Прачка», — сказала мама.

«А почему?»

«Потому, что я стираю солдатам бельё. Разве ты не видишь?»

«Вижу, — сказал Жека. — Ты и моё бельё стираешь, и папино».

«Ну вот, — сказала мама. — Тот, кто стирает бельё, называется прачкой».

«А почему ты прачка с высшим образованием?»

«Потому, — не сразу ответила мама, — что я долго училась: сначала в школе, потом в институте. Получила высшее образование. Должна была стать учительницей. Только ведь у нас на острове нет школы, некого учить. А бельё солдатам стирать надо. Вот я и стала работать прачкой».

«Давай, я тебе буду помогать, — сказал Жека. — Я умею нажимать кнопки на стиральной машине».

«Спасибо, сынок», — ответила мама и улыбнулась.

Сейчас мама уже кончала развешивать бельё.

Жека качался на качелях, сначала сидя, а потом стоя. Качели взлетали даже выше верёвки. Вот мама повесила на верёвку последнюю рубашку и остановилась, отдыхая. Посмотрела на небо. Жека тоже посмотрел на небо. Оно было чистое и синее, только несколько курчавых облачков плавало над заставой. И вдруг пониже облаков Жека увидел чёрную точку. Точка всё приближалась, и вскоре уже можно было разглядеть, что это летит вертолёт.

— Вертолёт! — закричал Жека радостно. Радостно было и оттого, что вертолёт, несомненно, летел к ним, и оттого, что Жека первый заметил его. Он соскочил с качелей, прыгал и кричал: — Вертолёт! Вертолёт! Вертолёт!

Появление вертолёта на острове — большое событие. Он привозит продукты и почту, а иногда и какие-нибудь вещи: мыло, одеколон, зубную пасту и щётки. Иногда на вертолёте прилетал к папе кто-нибудь из отряда, расположенного на соседнем острове, только не на таком маленьком, как этот, а на большом.

Что такое отряд, Жека не очень понимает. Знает только, что застава всегда держит связь с отрядом. «Звонили из отряда», — докладывает Жекиному отцу дежурный. Из отряда на заставу поступают приказы. В отряд передают все сведения с заставы. Иногда в отряд вызывают отца. И вертолёт тоже прилетает из отряда.

Жека со всех ног бросается к дежурному.

— Вертолёт! — кричит он. — Я первый его увидел!

Дежурный Володя давно уже знает, что из отряда на остров отправлен вертолёт, но, взглянув на радостное лицо Жеки, гордого тем, что он сообщает такое важное известие, Володя говорит:

— Молодец! Что бы мы без тебя только делали!

Обдав всё вокруг ветром, таким сильным, что, казалось, трава хочет сорваться и улететь, вертолёт приземляется почти возле самой заставы на широкой поляне. К нему уже спешат отец и свободные солдаты.

Из кабины выпрыгивает лётчик. Жека знает его, это дядя Серёжа.

Дядя Серёжа здоровается с отцом и мамой, подносит руку к фуражке, отвечая на приветствие подбежавших к вертолёту солдат.

Он помогает солдатам разгрузить вертолёт. Подает им ящики с продуктами, которые принимает повар Гена. А подошедшему к вертолёту дежурному Володе отдаёт пакет с почтой.

Жека просто не знает, что ему делать, — и возле вертолёта хочется побыть, и к солдатам скорей побежать, сообщить, что пришла почта. Он знает: солдаты на заставе всегда ждут не дождутся писем. Мама приглашает дядю Серёжу в дом пообедать, и Жека решает, что ещё успеет налюбоваться вертолётom, а пока он бежит к учебной полосе, где идут занятия, на хозяйственный двор, в гараж и кричит:

— Почта пришла! Почта!

Кажется, он всем сообщил радостное известие. Можно бежать опять к вертолёту.

— Жека! — зовёт мама. — Обедать.

Жека несколько секунд стоит в растерянности. Что лучше? Ещё немного побыть возле вертолёта или идти обедать? Нет, ему не так уж хочется есть. Интересно послушать, что будет рассказывать отцу и маме дядя Серёжа.

Сначала дядя Серёжа рассказывал не очень интересно: его жена Зоя работает на рыбозаводе, кого-то повысили в звании, кто-то улетел в отпуск...

— А мы сможем уехать в отпуск только тогда, когда пришлют замполита, — вздохнув, сказала мама и добавила: — Хорошо бы женатого, а то иной раз слова не с кем вымолвить. Мужички мои, что один, что другой, пропадают на заставе, а я в одиночестве просто дичаю.

Про замполита, которого обещают прислать, Жека не раз слышал. Вот и сейчас, виновато взглянув на маму, отец сказал:

— Потерпи ещё немного. Сказали — скоро.

А дядя Серёжа добавил:

— Если холостой явится, мы его, прежде чем к вам на заставу посылать, в отряде женим. У нас вон какие невесты подросли.

Жека слушал про замполита не очень внимательно, но вдруг ему пришла в голову одна мысль, и он попросил:

— Дядя Серёжа, а ты не можешь сказать в отряде, чтобы замполита прислали с ребятами — с мальчиком и девочкой?

Все засмеялись, а Жека обиделся. Ну что он такого смешного сказал? Правда, мама тотчас же перестала смеяться и проговорила грустно:

— Вот и он растёт без сверстников.

— Ты что-то, мать-командирша, сегодня в миноре, — сказал отец. — Парень как парень. Правда, сынок?

— Отличный парень! — сказал дядя Серёжа и протянул Жеке руку. — Ну, будь здоров! А мне пора.

Отец, мама и Жека проводили дядю Серёжу, и вертолёт улетел. На острове сразу стало как-то пусто и немного грустно.

Почта

Что творилось вечером на заставе! Все окружили дежурного Володю, тянули руки: расхватывали конверты.

— Володь, а мне?

— Дежурный, мне пощи!

Как это Жека забыл? Ведь сегодня прилетел вертолёт, значит, пришла почта. Жеке никто писем не пишет, но всё равно он очень радуется, когда дежурный раздаёт письма.

Больше всех писем получает сам Володя. Вот и сейчас, разбирая почту, он то и дело откладывает какое-нибудь очередное письмо к себе на стол. Ещё бы! Пишут ему Кольчугины, которых половина села. А кроме Кольчугиных, пишут и некольчугины. Пишет Таня. Она пока ещё не Кольчугина, а Силантьева. Силантьевых в Володином селе тоже немало. «Пожалуй, четверть села», — сказал однажды Володя. А остальные — некольчугины и несилантьевы. Но и они тоже пишут Володе. Кому же не хочется получить весточку от пограничника, да ещё с Курильских островов!

Гена тоже получил письмо. Одно. От мамы.

— А от Лиды нет? — поинтересовался Володя, когда раздал почту.

Гена печально помотал головой:

— А она и адреса не знает.

— Вот чудак-человек! — воскликнул Володя. — Да она небось и знать не знает, что ты её любишь! Надо было объясниться — и точка.

— Да как объясниться? — смущённо пробормотал, словно оправдывался, Гена. — Она и одна-то почти не бывала: то девчонки, то Курков вокруг неё вертится...

— Вертится! — сердито сказал Володя. — Но теперь-то ты написать можешь? Дорогая Лида, так, мол, и так, люблю тебя давно и верно, только не хватало мужества признаться. Вернись домой, давай поженимся! Ты кто? Пограничник! Против тебя этот Курков — курёнок!

Жека был полностью согласен с Володей. Он потом видел, как Гена сидел в уголке и писал. Напишет и порвёт, и опять начинает писать. А тут уже и личное время кончилось. Так и не знает Жека, написал Гена письмо Лиде или нет.

Меньшой брат

Наверное, многие ребята любят слушать радиопередачи для детей. Но Жека ждёт их особенно. Ведь другие мальчики и девочки не живут на далёком острове. Они всегда могут повидать друг друга, вместе поиграть, а Жека может только услышать чей-нибудь голос по радио. Часто слышит Жека голос девочки Риты, которая помогает ведущему передачи дяде Коле читать письма. Оказывается, на радио так же, как и на заставу, приходят письма из разных городов и сёл. Пишут их мальчики и девочки, и Рита всегда радуется, когда читает чьё-нибудь письмо. И Жека тоже радуется. Ему даже кажется, что он давно знаком с Ритой. Когда она говорит: «Здравствуйте, ребята!», Жека громко отвечает ей: «Здравствуй, Рита!» Вот и сегодня дядя Коля напомнил:

«В прошлую нашу встречу мы попросили ребят нарисовать то, что видят они у себя дома».

А Рита тотчас воскликнула:

«Смотрите, какой яркий рисунок! Что-то синее с зубчиками по краям».

Жеке сразу же стало интересно, что там далеко-далеко, в самой Москве, увидела на рисунке девочка Рита.

«Да это же колокольчик! — сказала Рита. — Очень красивый и нежный цветок».

— Мам, — закричал Жека, — у нас на сопках тоже растут колокольчики! Вот здорово!

А Рита продолжала:

«Нарисовала его Таня из села Ладное. Наверное, Таня любит цветы. А этот рисунок прислал Алёша из города Свердловска. Алёша нарисовал улицу. Высокие дома. По дороге едут автобус и троллейбус. А сбоку светофор. На нём горит красный свет. Вот почему прохожие стоят на тротуаре».

«Молодец, Алёша! — похвалил дядя Коля. — Он знает правила уличного движения».

Жека порадовался за Алёшу и немного позавидовал ему. Алёша может сколько хочет кататься на автобусе и троллейбусе, а Жека видит их только в кино. Но Жека тут же забыл про автобусы и троллейбусы, потому что Рита сказала:

«А вот ещё один интересный рисунок. Прислал его Вася из Вологды. Собака. Сама рыжая, хвост бубликом. Сразу видно, что она весёлая и добрая. «Это мой меньшой брат Рыжик», — прочитала Рита в Васином письме. — Как это — меньшой брат?» — удивилась она.

«Конечно, Рыжик не брат Васи. Но разве ты не знаешь, что люди называют животных своими меньшими братьями? — сказал дядя Коля. — И это очень верно. Человек самый умный и сильный, и остальные жители Земли всё больше и больше зависят от него, от его заботы и доброго отношения. Поэтому человек и называет их своими меньшими братьями».

«А ещё мы называем их своими четвероногими друзьями, — сказала Рита. — Знаете, дядя Коля, что, если нам попросить ребят, чтобы они сообщили нам о своих четвероногих друзьях? Ведь у многих наших радиослушателей есть свои любимцы».

«Очень хорошая мысль! Но почему только четвероногих? Я думаю, многие ребята любят птиц — и тех, что живут у них дома, и тех, что обитают по соседству и иногда нуждаются в помощи человека».

«Я знаю! — сказала Рита. — Зимой я часто подкармливаю синичек».

«Умница! Значит, среди наших друзей — четвероногие, птицы и... Знаешь, о ком мы забыли? О рыбах. И опять-таки некоторые держат рыбок дома в аквариуме, а другие...»

«А другие ходят на рыбалку и ловят их на удочку. По-моему, это никакие не друзья!» — сердито сказала Рита.

«А вот и ошибаешься! — возразил дядя Коля. — Конечно, рыбаки бывают разные, но настоящие

рыболовы-спортсмены очищают водоёмы, спасают мальков, а зимой следят за тем, чтобы у рыб в их ледяном доме были окошки, через которые они могли бы дышать».

«Окошки? Как интересно!»

«Интересно и очень важно. И мы об этом расскажем в одной из своих передач. А сейчас мы прощаемся с ребятами и напомним, что ждём от них писем о тех, кого они любят — о четвероногих и крылатых, о животных, птицах, рыбах...»

Вот и кончилась передача. Словно оборвалась ниточка, которая тянулась из Москвы к Жекиному острову. Жеке даже стало немного грустно. Мама погладила Жеку по голове:

— А знаешь что, сын, может быть, тебе тоже послать письмо дяде Коле и девочке Рите?

Письмо! Это было бы замечательно! Но Жека не сразу ответил маме, потому что задумался. А думал он, о ком же ему послать письмо. Тут сразу решить было трудно. Жека любит и Дика, и Буланку, и Мурку, и даже Милку-альпинистку. Это всё четвероногие друзья. А крылатые? Кто у них на острове крылатый? Прежде всего, конечно, чайки и вороны. Но они вовсе не друзья. Жека, правда, их не обижает, но и не дружит с ними, а ворон даже прогоняет, когда появляются маленькие жёлтенькие цыплята. Ведь ворона очень даже просто может утащить цыплёнка. Куры тоже крылатые, и петух крылатый. И живут они совсем рядом. Но всё-таки их тоже нельзя назвать Жекиными друзьями. О ком же послать письмо? О Дике? О Буланке? И вдруг Жека понял, о ком. О Малыше! Он-то очень нуждался в человеческой помощи.

— О Малыше! — закричал он. — Я pošлю письмо о Малыше! — Но тут же нахмурился. Жека, по правде говоря, не очень умеет писать. Своё имя «Жека» он, конечно, написать может, и «Малыш» тоже напишет, хотя и печатными буквами, а вот большое письмо...

Мама догадалась, о чём он думает, и предложила:

— Ты нарисуй Малыша, а я напишу. Мы так и сообщим дяде Коле, что рисовал мальчик Жека, а писала его мама.

— Давай! — обрадовался Жека, но тут же снова нахмурился. — А адрес? Дядя Коля сказал адрес, а я забыл.

— А я запомнила, — успокоила мама. И Жека ещё раз подумал: как хорошо, что они слушают передачи вместе с мамой.

Жека тотчас же схватил лист бумаги и карандаш. Он всегда так поступает: если ему что-нибудь хочется сделать, он делает это сразу. Если сразу не сделаешь, потом уже может и расхотеться. Жека быстро нарисовал круглую голову Малыша с большими круглыми глазами. А потом остановился, потому что опять задумался. Кто же такой Малыш? Четвероногий? Нет. У него вместо ног ласты. И крыльев у него тоже нету. Может быть, он рыба?

— Мама, — спросил Жека, — кто такой Малыш?

— Как это — кто? — не поняла мама. — Детёныш нерпы, нерпёнок.

— Я не про это спрашиваю, — возразил Жека. — Я знаю, что он нерпёнок. А кто он? Ведь у него ни ног нету, ни крыльев, — пояснил он. — И на рыбу он тоже не очень похож.

— Ах, вот ты о чём! — сказала мама. — Ты прав. Малыш не рыба. Он морское животное. Пока он маленький, мать кормит его молоком, а потом он питается рыбой. Ну-ка, покажи, что ты нарисовал. Очень хорошо: голова круглая, а туловище продолговатое. А это что за точечки?

— Это, — пояснил Жека, — такая у него шкурка. Беленькая с тёмными пятнышками. — И, закончив рисунок, Жека старательно вывел на листочке: «Малыш».

Мама, как и обещала, написала про Малыша, напечатала на конверте адрес. Жека вложил в конверт мамино письмо и свой рисунок, лизнул языком кромку конверта и заклеил его. Теперь оставалось дожидаться вертолёта, который прилетит на остров. Жека пошёл на заставу и положил свой конверт на столик в Ленинской комнате, где всегда лежали, ожидая отправки, письма солдат.

Женский глаз

Жека проснулся рано. Даже отец ещё не ушёл. Он сидел и завтракал. Увидев выглянувшего из маленькой комнаты Жеку, отец отложил вилку и хлеб и подхватил Жеку на руки, подбросил высоко-высоко и поставил на пол.

— Как дела? — спросил отец.

— Хорошо, — сказал Жека.

— На перекладине занимаешься?

— Занимаюсь.

— Молодец!

— Хочешь, я тебе покажу? — сказал Жека. — Ты завтракай, но не за столом, а в кухне возле окошка. Тебе всё будет видно.

— Есть завтракать на кухне! — сказал отец.

Жека быстро натянул тренировочный костюм и выбежал из дома. В окошке был виден отец с бутербродом в одной руке и чашкой чая в другой. Он весело кивнул Жеке.

Жека не спеша подошёл к перекладине, крепко обнял столб руками, обхватил его ногами и стал карабкаться вверх. Столб был гладкий, и Жека скользил вниз, но руки у него были цепкие, ноги в кедах тоже помогали удержаться на столбе. Он делал всё так, как учил его Костя. И вот он уже ухватился за перекладину, подтянулся, перекувыркнулся, а потом снова начал подтягиваться, считая про себя: «Раз, два, три...» Потом, повиснув на руках, мягко спрыгну на землю.

— Я и на учебной полосе могу! — закричал он отцу, с трудом переводя дыхание.

— Молодчина! — крикнул отец и отошёл от окошка.

Жека умылся под висевшим на столбе умывальником, быстро позавтракал и, как обычно, сказал маме:

— Я на заставу.

— И я на заставу! — сказала мама и улыбнулась.

Мама, случалось, приходила на заставу, но обычно в субботу — в баню после солдат и для того, чтобы постирать бельё. Приходила она и вечером, когда в физкультурном зале показывают кино. Иногда приходила к Гене посоветоваться, как лучше что-нибудь приготовить, иногда — помочь редактору Юре выпустить стенгазету.

— А зачем тебе на заставу надо? — поинтересовался Жека.

— А тебе зачем? — спросила мама.

— Я там помогаю, — ответил Жека.

— И я помогать.

— Сегодня не банный день и стенгазета новая, — сказал Жека, — только недавно повесили.

— Ишь какой всезнайка! А вот не скажу, зачем, — подразнила Жеку мама.

Мама, когда бывает в хорошем настроении, всегда улыбается и шутит. Как только мама сказала, что она не скажет, зачем идёт на заставу, Жеке сразу стало любопытно. Они вместе с мамой поднялись на крыльцо, поздоровались с дежурившим в этот день Сашей. Жека остановился возле дежурного, а мама — мама сразу прошла в канцелярию заставы. Тут уж Жеке стало ещё любопытней. В канцелярию мама обычно не заходит. Если что нужно, позвонит по телефону и спросит, придёт отец домой обедать или нет, и вообще, когда он вернётся. Вот и всё. Спросить бы у Саши, но он занят, и вообще не очень это удобно: спрашивать дежурного, зачем твоя мама пришла на заставу. Войти вслед за мамой? Но отец может рассердиться. Но тут отец вместе с мамой вышли.

— Хотелось бы, чтобы было по-домашнему, поуютней, — говорил отец.

Они с мамой прошли по коридору и тихонько приотворили двери спальни.

— Спальню можно сделать потемнее, — негромко, чтобы не разбудить отсыпавшихся после ночного дежурства солдат, сказала мама. — Тем, кто ночью в нарядах, пусть не мешает солнечный свет. И занавески на окна хотелось бы поплотнее.

Отец закрыл двери спальни, и они с мамой прошли в физкультурный зал. Тут уже и Жека вошёл с ними. Сначала он побаивался, что отец может быть недоволен, но отец улыбнулся ему и продолжал слушать маму.

— Знаешь, физкультурный зал я бы покрасила в зелёный. Зелёный для глаз полезен, да и в зимнее время будет напоминать о лете. А вот Ленинскую комнату, по-моему, лучше всего — в жёлто-золотистый, понарядней.

— Молодец наша мама! Правда, сын? — весело сказал отец и добавил: — Женский глаз — как алмаз.

Потом они прошли на кухню.

— У Гены всегда такой порядок и чистота, что не у каждой хозяйки найдёшь, — сказала мама. Отец одобрительно кивал головой, а Гена смущённо улыбался. — Кухня пусть так и остаётся белой, — закончила мама.

— Так, значит, краску мы сегодня же закажем, а занавески подберёшь там по собственному усмотрению, — сказал отец и направился к себе, а мама позвала Жеку:

— Пойдём домой, я тебе что-то скажу.

— А что ты скажешь? — спросил Жека, когда они с мамой шли по направлению к дому.

— Вот придём — и узнаешь, — опять улыбнулась мама.

Мама улетела

Дома мама подождала, пока Жека разденется, усадила его рядом с собой на тахте и спросила:

— Как ты считаешь, ты маленький или большой?

Жека подумал, почему это мама спрашивает его и как лучше ответить. Скажешь — маленький, мама никуда не будет отпускать. Не разрешает же она ему уходить от дома дальше речек. Нет, лучше не говорить, что он маленький. Во-первых, он хотя и не взрослый, но ведь и не малыш. Недавно он даже по береговому маршруту прошёл. А с другой стороны, скажешь — большой, мама... Что такое может сделать мама, если Жека скажет, что он большой, Жека так и не смог придумать. Он сказал:

— Большой.

— Вот и я так думаю, — сказала мама. — Понимаешь, какое дело, — продолжала она, — мне нужно на три дня слетать в отряд. Сегодня прилетит вертолёт, и я с ним улечу. А через три дня вертолёт прилетит снова, и я вернусь. Три дня ты побудешь один. Не один, конечно, с папой и с ребятами на заставе. Но всё-таки папа ведь иногда приходит домой поздно, и тебе придётся ложиться спать одному. Можешь не тушить свет.

Жека слушал маму и думал, хорошо ли это, что он сказал: «Я большой». Может быть, если бы он сказал: «Я маленький», мама не улетела бы и не оставила его одного. Но теперь уже поздно. Придётся остаться на три дня без мамы. А мама продолжала:

— Всего три дня. Ты и не заметишь, как они пролетят. Завтракать, обедать и ужинать будешь на заставе. Ты ведь любишь есть в столовой. Сегодня кино. Так что ты и не заметишь, что меня нет. Вернёшься и сразу ляжешь спать. Завтра вечером посидишь с ребятами. Послезавтра, может быть, папа пораньше придёт домой. А потом уже и я вернусь. Да, вот ещё что: покорми, пожалуйста, кур и Мурку.

На этот раз Жека не так уж сильно обрадовался прибытию вертолёта, хоть и хотелось отправить поскорее письмо про Малыша. Правда, настроение у него поднялось, когда дядя Серёжа разрешил влезть внутрь. Сгрузили продукты и почту. Жека сидел в вертолёте и представлял себе, что летит высоко в синем небе, но всё равно продолжал думать: «Сейчас, вот ещё немного, и мама улетит». И правда, дядя Серёжа высадил его на землю и протянул руку маме, помогая ей подняться в вертолёт.

— Ну, не грусти, сынок, — сказала мама и поцеловала Жеку.

Следом за мамой в вертолёт взобрался очень довольный Юра.

— Жди меня — и я вернусь! — весело крикнул он стоявшим у вертолёта солдатам.

— Вафель!

— Печенья!

— Конвертов не забудь! — кричали ему.

— Заказ принят, — сказал Юра и вдруг посмотрел на Жеку: — А ты чего нос повесил? Тебе что привезти? А, знаю. Я тебе цветные карандаши привезу. Хочешь?

Жека кивнул головой, а сам смотрел на маму. Ему были видны только её руки и кусочек платья да ещё большая сумка у маминых ног. Почему-то у Жеки стало щипать в носу, и он отвернулся. Папа, стоявший рядом с ним, громко говорил:

— Не волнуйся. Счастливого пути! Всё будет хорошо. Передавай привет. Через три дня мы с сыном будем тебя встречать.

Мама наклонилась, и Жека увидел её лицо. Лицо у мамы было грустное, и Жека постарался ей улыбнуться. Отец обнял его за плечи, и они отошли от готовившегося взлететь вертолёта.

Днём Жека, скучая, сидел возле дежурного.

— Тёзка! — окликнул его Женя.

Он отсыпался после ночного наряда и теперь вышел из умывалки. В руках у него была небольшая консервная баночка.

— Пошли, — поманил он Жеку и спустился с крыльца.

Жека побежал за ним. Женя что-то поискал на дороге и поднял соломинку. Сунул один её конец в баночку, потом вытащил и подул в другой. И вдруг из самой обыкновенной соломинки полетели по воздуху шары. Да какие! И побольше, и маленькие. Они летели стайкой, отливая розовым и голубым, синим и зелёным, и алым цветом. Они отлетали от соломинки, пролетали вверху над Жекой, а потом словно растворялись в воздухе. Женя ещё раз поболтал соломинкой в баночке, ещё раз дунул в неё, выпустив целую стаю разноцветных шаров, а потом протянул баночку и соломинку Жеке:

— Держи!

Жека осторожно взял из рук Жени баночку, словно опасался, что она растает в воздухе, как таяли шары. Даже забыл сказать спасибо за такой прекрасный подарок. Набрав побольше воздуха, он дунул в соломинку и радостно засмеялся — шары летели не хуже, чем у Жени. Жека уже хотел бежать обратно к дежурному, но Женя сказал, что пускать шары в помещении нельзя. Жека пожалел об этом, потому что, если у тебя радость, хочется поделиться ею с друзьями. Но всё равно это было замечательно! Жека даже пообедал побыстрее и опять побежал к оставленной на крыльце баночке. Так и пускал он шары чуть ли не до самого ужина. А после ужина вдруг вспомнил: «Куры!» Ведь он забыл их покормить. Он побежал домой. Остановился на ступеньках, почему-то не решаясь открыть дверь. Нет, он никого не боялся. Кто же чужой может быть у них на острове? Жека и сам не мог понять, почему ему страшно открыть дверь в собственный дом.

Раньше он никогда не задумывался об этом. Иногда мама уходила на огород или в сопки за ягодами или стирала в банном домике, а Жека и не думал, есть кто в доме или нет. Сейчас ему надо было взять оставленное в коробке зерно и позвать кур. «Может быть, они ещё не совсем заснули. И в доме ещё не темно, — сам себя уговаривал Жека. — А коробка с зерном стоит почти что у самой двери на кухонной полке». И всё-таки у него не хватало духу отворить дверь. Откуда-то неслышно появилась Мурка и потёрлась о Жекины ноги. И Жеке сразу стало веселей.

— Пошли, Мурка, — сказал он и толкнул дверь.

Мурка первая скользнула в дом, за ней вошёл Жека. Вот и коробка с зерном. На столе кувшин молока, а под табуреткой Муркино блюдечко. Заставляя себя не торопиться, Жека налил Мурке молока, взял коробку и вышел на крыльцо.

— Цыпа-цыпа-цыпа! — звал он кур, как мама, но их нигде не было видно.

Жека заглянул в сарайчик — куры сидели на жёрдочках. Петух встревоженно забормотал, а куры молчали. Глаза у них были закрыты. Они не открыли их и не спрыгнули с жёрдочек, хотя Жека громко звал их и даже сыпал на пол зерно. Ни одна даже не глянула на Жеку. Может, они обиделись, а может... Жека поставил коробку возле сарая и побежал на заставу.

— Где Володя? — крикнул он дежурному Саше.

— Володя? Наверное, на лавочке, где Женя с гитарой.

— Нет, там его нету!

— Значит, в Ленинской комнате. А что случилось?

— Я забыл покормить кур, и теперь они умерли с голоду. — И Жека вдруг заплакал.

— Постой, постой, — сказал Саша. — Каких кур?

— Мама велела кормить их утром и вечером, а я забыл, — сквозь слёзы говорил Жека.

— Да ничего с ними не станется, — пытался успокоить Жеку Саша. — Хотели бы есть, сразу бы прибежали.

Но Жека продолжал всхлипывать.

— Сейчас мы всё устроим, — сказал Саша.

Через минуту с Сашей подошёл Володя.

— Да накормил я твоих кур, — сказал он Жеке. — Ещё перед ужином, пока солнце не зашло.

— Правда? — всё ещё не верил Жека.

— Честное солдатское. Пошли в кино.

В кино

В кино, как известно, люди сидят. Покупают билеты, на которых обозначены ряд и место, и садятся на свои места. Но на заставе кино показывали в физкультурном зале. Здесь же в сторонке лежали маты. Перед началом фильма солдаты расстилали маты почти по всему полу и укладывались на них. Это ведь очень здорово — смотреть фильм с плакатным билетом, как говорил Женя.

Фильм ещё не начался. Алёша, всегда исполнявший роль механика, возился с аппаратом, что-то налаживая. Гена лежал, заложив руки под голову и прикрыв глаза, наверное, думал о Лиде. Жека прилёг рядом с Геной, подождал немного, а потом как ткнёт его пальцем под бок. Ткнул он тихонько, а завизжал Гена на весь физкультурный зал. Всем было известно, что Гена до смерти боится щекотки. По другую сторону от Гены лежал Женя. И как только Гена перестал визжать, Женя ткнул его под бок с другой стороны. Отчаянный визг потряс стены физкультурного зала. Смеялись и Жека, и Володя, и Женя, и остальные ребята, даже дежурный Саша заглянул в физкультурный зал.

— Кого тут режут? Начальник заставы работает, а они визжат! — сказал он.

А начальник заставы, Жекин отец, сидел в канцелярии и тоже смеялся... «Мальчишки ещё

совсем, и повозиться хочется, и похохотать», — думал он о своих солдатах.

После фильма Гена сказал:

— Пойдём, провожу тебя.

— Я и сам не боюсь, — сказал Жека, хотя, по правде говоря, очень хотел, чтобы Гена проводил его.

— А я и не думаю, что ты боишься, — сказал Гена. — Чего тут бояться?

Небо было тёмное и звёздное.

— Вон Полярная звезда, — показал Жеке Гена.

Жека не сразу увидел её — Полярную звезду. А потом, когда разглядел, закрыл глаза, открыл и уже сам нашёл её на чёрно-бархатном небе. Она и правда, как сказал Гена, светила ярче всех звёзд. А ещё Гена сказал, что Полярная звезда всегда указывает на север. Показал он Жеке, пока они шли домой, и двух Медведиц — Большую и Малую.

Жека очень смеялся, услышав, что на небе есть две медведицы. Вспомнил огромный медвежий след, который он увидел на прибрежном песке, когда они с Женей и Юрой относили на лежбище Малыша. Но звёздные медведицы, видимо, ходили по небу, не оставляя следов.

С отцом

Утром Жека проснулся и, по обыкновению, выбежал из маленькой комнаты, чтобы поздороваться с мамой, и только тут вспомнил, что мама улетела. Отец уже ушёл. Но теперь Жеке совсем не было страшно одному. В окошко ярко светило солнце, посреди кухни лежала Мурка.

В столовую Жека пришёл очень удачно: за столиком сидели Володя Кольчугин и старшина Костя. Они дружно кивнули Жеке, а Гена вынес и поставил на стол перед Жекой тарелку каши.

— Как спалось? — спросил он.

— Хорошо, — сказал Жека. — Мне даже сон про тебя приснился.

А Володе Жека сказал:

— Кур я покормил и Мурку тоже.

— Порядок! — похвалил его Володя.

Жека посмотрел в окно и увидел, что к заставе подошёл вездеход. Жека помчался к нему. Прибежал он как раз вовремя: отец вышел на крыльцо и собирался сесть в вездеход.

— Ты на пост технического наблюдения? — спросил Жека.

Отец кивнул. Жеке давно уже хотелось побывать там. И теперь он подумал, что лучше всего попросить отца взять его с собой именно сейчас. Мамы дома нету. Отец же понимает, как трудно Жеке без мамы. И ведёт он себя хорошо. Ну конечно, сейчас лучше всего попросить.

— Можно я с тобой? — спросил Жека.

Отец посмотрел на него, подумал и согласился:

— Ладно, давай!

Радостный, Жека влез в люк и сел рядом с отцом.

На вездеходе Жеке ездить приходилось. Но недалеко — возле заставы, когда Алёша разрешал ему забраться на сиденье рядом с собой. Они мчались по берегу, переезжали речку и поворачивали обратно. А сейчас уже давно позади остались и речка, и заросли бамбука, по которым Жека пробирался вместе с Юрой и Женей, когда они относили на лежбище нерп Малыша. Даже огромная, нависшая над океаном скала и та осталась позади, верней, сбоку, потому что вездеход свернул от берега в глубь острова. Здесь Жека никогда не бывал, и теперь всё вокруг ему не нравилось. То ли дело у них на заставе! Там и океан с широким песчаным берегом, и покрытые цветами сопки, и хотя и низенькие, пригнутые ветром, но всё же весёлые, зелёные деревья, упрямо карабкающиеся от самой лощины вверх по сопкам. А здесь вокруг простирается одно только болотистое поле с буграми кочек да синее небо. Жека хотел было сказать об этом отцу, но в вездеходе стоял такой грохот, что отец всё равно бы ничего не расслышал.

Когда вездеход остановился и Жека выпрыгнул на землю, он увидел, что это не небо, а вода. Они опять были на берегу океана.

— Мы теперь на другой стороне острова, — пояснил Жеке отец.

Вот и пост технического наблюдения — небольшая, похожая на башенку постройка в два этажа. Водитель остался возле вездехода, а Жека с отцом вошли внутрь станции. Здесь посередине стояла печка, у стены — стол, а возле других стен — две постели. На одной из них спал солдат. Наверное, ему предстояло дежурить ночью. На второй этаж вела узенькая лесенка. Отец быстро стал подниматься по

ней, а за ним и Жека.

Первое, что увидел Жека, был большой ящик с круглым экраном. Возле ящика сидел Алёша и смотрел на экран. За его спиной стоял Женя Гитарист. Увидев начальника заставы, оба вытянулись. Отец сделал знак, чтобы они занимались своим делом, и, встав за спиной Алёши, тоже стал смотреть на экран.

Если бы Жека когда-нибудь видел телевизор, то он бы, взглянув на ящик с экраном, наверное, удивился: «Какой чудной круглый телевизор!» Но на острове, где живёт Жека, телевидения нет. А вот кино на заставе показывают. Поэтому Жека, посмотрев на экран, закричал:

— Какое маленькое кино! Ой, что это показывают? — Он с удивлением смотрел на зелёную точку, которая появилась на экране и медленно-медленно скользила от одного края к другому.

Алёша ничего не ответил. Внимательно глядя на экран, он что-то записывал в журнал. А Женя, заглядывая через его плечо, читал, что Алёша записывает. Первая точка ещё не успела уползти с экрана, как на нём появилась вторая. Двигалась она снизу вверх и быстрее, чем первая. Зелёные точки прошли по экрану и исчезли. Алёша кончил писать в журнале и откинулся на спинку стула.

— Ну как, интересное кино? — спросил он Жеку и добавил: — Первая точка — это судно, а вторая — самолёт.

— А ты откуда знаешь? — не поверил Жека.

— По скорости движения вычислил. На этом экране видны цели, а скорость их движения разная.

— Судно идёт медленно, а самолёт летит быстро, — догадался Жека.

— Котелок у тебя варит что надо! — похвалил Жеку Алёша.

Отец внимательно стал смотреть журнал, в котором Алёша только что делал записи, перелистнул страницы назад и тоже внимательно всё прочитал и сказал:

— Добро!

Солдат, который спал внизу, когда они пришли, поднялся наверх и спросил:

— Товарищ майор, чайку горяченького не желаете?

— Спасибо, — ответил отец.

Жека тоже сказал «спасибо».

— Иди поешь, — велел отец Алёше, а Жене Гитаристу кивнул на Алёшино место: — Прокушев, принимай дежурство! — И сел рядом с Женей.

На экране ничего не было видно, и Жеке надоело смотреть на него. А отец смотрел, и Женя Прокушев тоже не спускал с него глаз. Но вот неожиданно появилась зелёная точка. Жека не сразу заметил её, а только тогда, когда отец сказал Жене Прокушеву:

— Следи за целью!

Женя смотрел на экран и произносил какие-то непонятные слова: «Азимут», «дальность» — и называл цифры.

— Самолёт! — закричал Жека, увидев на экране ещё одну быстродвигающуюся точку, а Женя уже опять называл цифры, торопливо записывая что-то в журнал.

«Пули за молоком пошли»

Лил дождь, но в вездеходе было тепло и уютно. Маленький домик на гусеницах мчался, рассекая струи дождя. И опять Жеку подбрасывало и болтало из стороны в сторону. Уже не так интересно было смотреть в окошко. Жека посидел ещё немного, а потом сам не заметил, как прислонился к отцу и задремал. Проснулся он от громкого голоса отца, кричавшего водителю, стараясь перекрыть грохот вездехода:

— Сверни-ка здесь к стрельбищу!

К стрельбищу! У Жеки сразу же пропал сон. Сегодня удивительно счастливый день! Жека вдоволь накатался на вездеходе, побывал на посту технического наблюдения, а теперь вот они едут на стрельбище.

Вездеход обогнул невысокую сопку, за которой открылась долина. Жека увидел солдат. Они с автоматами в руках лежали на мокрой земле под дождём. Жека даже поёжился, подумав о том, как им сейчас холодно и неудобно. Потом вспомнил, как старшина Костя говорит: «Солдатское дело такое: надо — значит, надо!» Впереди виднелись установленные на щитах мишени.

Когда вездеход остановился, отец выбрался через люк наружу. Жека тоже. Холодный ветер хлестал дождём в лицо. Но Жека подумал: раз солдаты не обращают внимания на дождь, то и он не будет, натянул на голову капюшон и стал рядом с отцом позади солдат.

Выстрелы раздавались короткими очередями. Но вот они стихли.

— Оружие положить! — отдал команду старшина Костя.

Солдаты оставили автоматы на земле. Некоторые мишени лежали на боку, другие продолжали стоять. Возле одной такой мишени остановился молодой солдат.

— Опять мимо, товарищ старшина, — досадливо сказал он подошедшему Косте.

— Не суетись! Стреляй спокойнее! — сказал Костя.

А соседняя мишень лежала на боку. По ней стрелял Володя Кольчугин. Старшина посмотрел, ничего не сказал, только довольно кивнул.

— Попал? — спросил Жека Володю.

— Попал.

— А откуда ты знаешь?

— Если мишень упала, значит, было попадание, — объяснил Володя. — А если стоит, как стояла, значит, мимо. Пули за молоком пошли, — добавил он, улыбаясь.

Потом, когда солдаты возвратились к своим местам, Костя взял автомат и остановился против одной мишени. Стрелял он быстро, казалось, что он почти совсем не целится, стрелял то лёжа, то стоя. Мишени одна за другой валялись набок.

— А ты почему не стреляешь? — спросил Жека отца.

Отец усмехнулся и вытащил пистолет.

— Из пистолета потруднее, — сказал кто-то. Жека был с ним согласен.

Отец, как и Костя, стрелял быстро, держа пистолет то одной рукой, то двумя, то опять одной. Солдаты стояли вокруг тихо, молча, чтобы не мешать стрелку. Жека тоже молчал, но спокойно стоять на месте ему было невтерпёж. Он переминался с ноги на ногу, приседал, жмурил глаза и с нетерпением следил за мишенями.

— Уррра! — закричал он, прыгая и поднимая вверх руки, когда последняя мишень упала, и вдруг повернулся к отцу: — А мне? Мне можно пострелять?

Отец отрицательно покачал головой:

— Оружие не игрушка, сынок.

— А подержать можно? — тяжело вздохнув, спросил Жека.

— Подержать можно. — Отец протянул ему пистолет.

Жека взял его, попытался вытянуть руку с пистолетом вперёд, но рука опускалась. Пистолет был тяжёлым. Тогда Жека взял его двумя руками и держал, стараясь навести на мишень. Отец сказал:

— Подрастёшь, я научу тебя стрелять. Каждый мужчина должен уметь стрелять. Но при этом помнить о том, что оружие надо применять только в крайнем случае, когда приходится защищаться или защищать.

Дождь всё лил и лил. Занятия на стрельбище закончились, и солдаты вместе с Костей двинулись на заставу. Они шли пешком, а Жека с отцом забрались в вездеход. До заставы было пять километров, и они домчались мигом.

Как хорошо было сидеть в столовой за одним столиком с отцом и есть горячий суп. После супа Гена принёс кашу и молоко.

— Папа, — вспомнил вдруг Жека. — А почему Володя сказал: «Пули за молоком пошли»?

— Это так шутят, если стрелок не попадает в мишень, — сказал отец. Крикнул: — Спасибо, Гена! — А Жеке кивнул: — До вечера, сын! — И быстро пошёл в канцелярию.

Мужской разговор

Вечером Жека с отцом вернулись домой вместе. И хотя уже было поздно, Жека не сразу лёг спать. Они включили электрическую плитку, водрузили на неё чайник. Жека поставил на стол две чашки с блюдами, а отец достал с полки банку с джемом. Чайник весело шумел на плитке, а они с отцом сидели за столом и неторопливо разговаривали.

— Пап, ты хочешь, чтобы мама поскорей прилетела? — спросил Жека.

— Конечно, хочу, — отвечал отец. — Знаешь, я с тех пор, как познакомился с твоей мамой, всегда хотел, чтобы она поскорее пришла, приехала или прилетела.

— А я знаю, почему, — сказал Жека. — Потому что ты любишь маму.

— Люблю, — серьёзно сказал отец и добавил: — Это большое счастье — любить.

Жека вспомнил о Гене и спросил:

— А может быть несчастливая любовь?

— Нет, — сказал отец. — Любовь всегда счастливая, даже если того, кого ты любишь, нет с тобой рядом. Не только один или несколько дней, а месяцев или даже лет. Она всё равно счастливая, потому что ты любишь.

— А я хочу, чтобы мама была с нами всегда, — сказал Жека.

— И я очень хочу этого, — сказал отец. — Знаешь что, давай завтра устроим маме небольшой сюрприз. Встанем с тобой пораньше, приберём как следует квартиру. Потом ты сходишь и нарвёшь красивый букет цветов. Мама прилетит, и мы её встретим с цветами.

— Давай, — сказал Жека.

Он разделся, лёг в постель, лежал и думал о том, что завтра будет очень хороший день. Прилетит мама, и они встретят её сюрпризом.

Утром они с отцом, как и договорились, убирали квартиру. Жека особенно старательно застелил свою постель. Отец подмёл полы, вытер пыль. Жека покормил кур и Мурку, и они вместе пошли на заставу.

Там Жека бродил от дежурного к Гене в столовую, не зная, чем заняться. То и дело выбегал посмотреть, не летит ли вертолёт. Быстренько сбегал на сопку и нарвал большой букет цветов.

— Давай его в банку с водой поставим, чтобы он не привял, — предложил Гена и посоветовал: — Спроси у дежурного, когда должен прилететь вертолёт.

— Вертолёт? Должен тебя огорчить. Он сегодня не прилетит, — сказал дежуривший в этот день Женя. — Наверное, получил какое-нибудь срочное задание. Да что ты, тёзка! — закричал Женя, увидев на глазах у Жеки слёзы. — Не прилетит сегодня — прилетит завтра.

— А как же мама?

— Мама ещё денёк погостит там, а завтра они с Юрой вернутся.

— С Юрой? — вспомнил Жека и забеспокоился: — А Дик? Он, наверное, голодный? Ведь он из чужих рук ничего не берёт.

— Дика кормит Саша, ну, тот, что со мной вместе на заставу приехал, рыженький, с веснушками. Знаешь его?

— Знаю, — кивнул Жека. — А почему Саша?

— Юре осенью ведь увольняться в запас, вот он и приучает Дика к новому вожатому. Саша и кормить Дика ему помогал, и в наряд они вместе ходили. Дик уже немного привык к Саше. Знаешь что, занятия на учебной полосе уже кончились. Саша сейчас, наверное, с Диком. Беги, поищи их.

Жека помчался к вольере. Дика там не было. Значит, Саша повёл его погулять и позаниматься, как это делал Юра, куда-нибудь подальше от заставы. Только вот в какую сторону? И вдруг Жека сообразил: надо идти по следу. Возле загородки следы были затоптаны. Жека вышел к берегу и правда увидел на песчаной полосе свежие следы.

Вскоре увидел и Сашу с Диком. Саша подавал команды, а Дик послушно выполнял их. Сейчас они оба по-пластунски ползли по песку. Жека остановился, чтобы не мешать им. Стоял и смотрел. Вскоре Саша поднялся, и Дик тоже вскочил. Жека подбежал к ним.

— Привыкает, — сказал Саша. — А первое время ни за что не хотел подпускать меня. А я люблю собак. У меня дома тоже собака есть. Наймой зовут. А порода эрдельтерьер.

— А какая она? — спросил Жека.

— Ростом немного поменьше Дика, а морда чемоданчиком. Это тоже служебная собака. В некоторых странах эрдельтерьеры заменяют овчарок. Найма очень умная. Всё с полуслова понимает. Когда я в армию уходил, попрощался со всеми, и с ней тоже попрощался. Она лизнула меня, а потом легла на пороге и смотрела на меня такими глазами, словно просила: «Возьми меня с собой!» — закончил Саша дрогнувшим голосом.

Жека очень хорошо понимал Сашу. Расставаться с теми, кого любишь, тяжело. Человеку можно письмо написать, а собаке ведь не напишешь. Жека сочувственно вздохнул и спросил:

— А теперь с кем Найма осталась?

— С братишкой. Он в восьмой класс перешёл. Я ему велел и заниматься с Наймой, и кормить её, как положено. У собак ведь свой рацион. Он мне письмо прислал. Пишет, что первое время Найма очень скучала по мне. А теперь понемногу привыкает.

— Знаешь что, — посоветовал Жека. — Ты, когда будешь писать братишке письмо, передай Найме привет. А он ей скажет: «Тебе привет от Саши!» И она обрадуется.

К Саше подбежал Дик. Саша поднял валявшийся на берегу сук, размахнулся и бросил его в воду. Дик стремительно поплыл, схватил его зубами и быстро вернулся на берег. Саша взял у него сук, погладил Дика по мокрой спине и протянул ему кусочек сухаря.

...А мама и Юра прилетели на следующий день. Цветы, которые Жека принёс вчера, так и стояли в банке на одном из столиков. А для мамы Жека утром нарвал свежих цветов — большой-пребольшой букет.

Шторм

Жека проснулся оттого, что мама трясла его за плечо. Увидел мамино лицо, хотел опять заснуть, но мама не дала.

— Вставай, сынок, вставай! — повторяла она. — Давай, я помогу тебе одеться.

Жека сел на постели, а мама, словно он был совсем маленький, стала торопливо натягивать на него рубашку, носки и даже лыжные брюки.

— Мам, ты чего это? — спросил Жека всё ещё сквозь сон.

— Тревога! — сказала мама.

Тут Жека окончательно проснулся.

— Учебная? — спросил он.

— Нет, не учебная, — сказала мама, продолжая одевать Жеку.

Ночная тревога, да ещё не учебная! Жека вскочил на ноги и принялся сам натягивать свои резиновые сапоги.

Мама велела:

— Надень под куртку свитер.

И Жека не стал спорить, тотчас натянул поданный мамой толстый зимний свитер. Помогая Жеке, мама и сама быстро одевалась. Она тоже была в лыжном костюме и резиновых сапогах. А теперь, застегнув на Жекиной куртке молнию, надела брезентовую штормовку с капюшоном, вскинула на плечи вещмешок.

Снаружи что-то громко ухало.

— Стреляют? — спросил Жека.

— Нет, это океан бушует, — сказала мама. — Шторм. Отец велел отправляться в сопки. Ну всё, сынок, пошли!

Мама открыла дверь, и на них обрушилась стена воды, такая, что даже было тяжело дышать. И всё было чёрным — и стена ливня, и небо, и ухающий пушечными залпами океан. Внизу вода стала холодить ноги.

— Это волны? — испуганно спросил Жека. А вдруг они захватят и унесут их с мамой в океан.

— Нет, это такой ливень, — сказала, верней, прокричала мама и крепко взяла Жеку за руку.

Сверкнула молния, и Жека разглядел совсем рядом тёмную фигуру и стоявших в воде двух лошадей. Чьи-то руки подхватили его и посадили на лошадь. Жека скорей догадался, чем увидел, что это Володя Кольчугин. Мама вскочила на лошадь сзади Жеки. Володя, наверное, вскочил на другую.

— Двигайтесь следом! — прокричал он.

«Как же мы его увидим в такой темноте?» — подумал Жека и вдруг разглядел, что на спине у Володи колыхается что-то белое. За этим белым и двинулись они вперёд. А дождь всё лил, и ветер толкал их. Жека старался пригнуться к лошадиной спине. Он не видел, какая это лошадь, но догадался, что Буланка. Ливень стучал по капюшону, плечам, спине, как будто бил множеством клювов. Вода холодила голову, спину, шею, ноги, просачивалась сквозь куртку, стекала на лошадиную спину, с неё скатывалась внутрь резиновых сапог. Жека хотел спросить, куда они едут, но был не в силах повернуть голову к сидящей сзади маме. Он только чувствовал, что мама, держа поводья, старается защитить его от ветра и воды, загородить своим телом. Буланка оскользнулась. «Буланка, миленькая, только не упади!» — думал Жека. Ведь тогда они с мамой уйдут под воду. В самую тревожную минуту, когда они опять потеряли из виду Володю, снова сверкнула молния, и Жека увидел, что Володя вот он, совсем близко.

Буланкина голова чуть поднялась впереди Жеки, вода опустилась, и Жека понял, что они проехали ложбину, на которой обычно пасутся коровы и лошади, ту самую ложбину за рекой, куда мама не разрешала Жеке ходить одному и куда он не так давно всё-таки перебрался через ручей. Тогда по этой ложбине протекал тихий светлый ручеёк, а теперь вода вышла из берегов то ли от обрушившегося на остров ливня, то ли от океанских волн, тоже старавшихся накрыть остров. Но Володя, мама и Жека всё-таки одолели взбунтовавшуюся речку и теперь взбирались на сопку.

— Остановимся здесь! — прокричал Володя. Снял Жеку с Буланки и помог сойти маме.

То ли немного унялся ветер, то ли не так сильно бил океан, но тут, где они остановились, было

потиху. Да и водный поток не мчался им навстречу с такой силой.

— Здесь скала, — слышался в темноте голос Володи, — загораживает от ветра, и вода обтекает стороной.

«Хорошо, что с нами Володя Кольчугин, — думал Жека. — Вдвоём с мамой нам было бы, наверное, не выбраться, а Володя знает тут каждую ложбинку, каждую тропинку. Вот он какое хорошее место выбрал».

— Как там наши? — тревожно проговорила мама.

Жека подумал об отце и солдатах, которые остались там, внизу, рядом с грозным океаном, и беспокоился о том, что встававшие на дыбы огромные волны и в самом деле могут затопить берег.

— Ничего, — сказал Володя. — Если придётся, отступят в сопки. Ну, теперь я вас тут оставляю, Наталья Владимировна, — продолжал Володя, — а сам спущусь к ребятам. Там сейчас каждому дел по самую завязку.

— Конечно, Володя, — ответила мама. — Спасибо тебе.

— Вы не бойтесь, тут совсем не опасно, — проговорил Володя.

— А мы и не боимся, — отвечала за себя и за Жеку мама.

Володя уже садился на свою лошадь, когда Жека опять увидел белую спину Володи.

— Что у тебя на спине? Белое? — закричал он.

— На спине? А, это простыня, — отвечал Володя. — Я и забыл про неё.

— Простыня? — удивился Жека. — А зачем?

— Чтобы вам было удобнее ехать следом. Белое в темноте лучше видится, вот я и прихватил на всякий случай простыню. Держите, Наталья Владимировна, — протянул он маме простыню. — Теперь она больше не нужна. А то явлюсь на заставу, как привидение, — засмеялся и исчез в темноте.

Хорошо, что мы вместе

— Ну как ты, сынок? Держишься? — спросила мама.

— Держусь, — сказал Жека и вдруг спохватился: — Мам, как же ты на Буланке ехала? Да ещё в такой темноте?

— Так ведь твой отец пограничник, а я его жена, — сказала мама. — Многому надо было научиться. Вот я и училась.

— И я учусь, — сказал Жека.

— Конечно, — сказала мама. — Ты у меня молодец. Знаешь что, сын? Давай-ка выльем из сапог воду. Так. Теперь попрыгай — согреешься.

— А ты? — спросил Жека.

— И я попрыгаю, — сказала мама.

И, взявшись за руки, они стали прыгать. Рядом фыркнула Буланка.

— Попрыгай, Буланка, согреешься! — крикнул ей Жека.

Ветер, побушевав над островом, умчался куда-то дальше, увлекая за собой тучи. Небо немного посветлело, и падавший водяной стеной ливень превратился в обычный дождь. Только разволновавшийся океан никак не хотел успокаиваться.

— Мама, а тебе было страшно? — спросил Жека.

— Было, — сказала мама и обняла Жеку.

— И мне, — признался Жека и добавил: — Хорошо, что мы были вдвоём, а с нами ещё и Володя.

Тьма понемногу начала растворяться. Уже можно было разглядеть Буланку, которая рядом щипала траву. Жека посмотрел на неё и почувствовал, что он тоже голоден как никогда. Хорошо было бы сейчас очутиться дома, выпить горячего сладкого чаю со свежим хлебом. Но здесь, на сопке, не было ничего, кроме травы. Так, по крайней мере, думал Жека. Но мама вдруг вытащила из вещмешка немного намокший ломоть хлеба и вложила его прямо в руку Жеке.

— Пополам! — сказал Жека, но мама ответила:

— Ешь, у меня ещё есть.

И Жека жадно вцепился зубами в промокший, но такой вкусный хлеб. Он жевал, а сам продолжал следить за океаном. Вдруг там, внизу, в океанских волнах, он заметил какую-то чёрную точку. Она, медленно приближаясь к берегу, качалась на волнах.

— Мам, смотри! — закричал Жека. — Что это?

Мама посмотрела, но ничего не увидела. А непонятный предмет всё приближался к берегу. Теперь он уже казался не точкой, а продолговатым, как коротенькая палочка. Наверное, наблюдатель,

находившийся на верхнем посту, в свою подзорную трубу уже мог разглядеть, что это такое. Знали, наверное, это отец и солдаты и готовились встретить ночного гостя. Но Жека с мамой по-прежнему только гадали.

— Похоже, что это небольшой корабль. Его в океане захватил шторм, и вот теперь он приближается к берегу, — проговорила мама, всматриваясь в даль.

Жека подумал, что на посту технического наблюдения тоже заметили этот корабль.

— Похоже, рыбацкий, — сказала мама, когда в волнах уже можно было разглядеть судно. — Это не военный и не пассажирский. Те были бы побольше. Может, он потерял управление? Вон его как крутит!

— А он не разобьётся? — забеспокоился Жека.

— Будем надеяться, что нет, — сказала мама. — Хорошо, что его не понесло на Медвежью скалу. Там сплошные камни, а здесь берег песчаный.

Разговаривая так, они не спускали глаз с маленького судна. А оно всё приближалось и приближалось. Вдруг его подхватило волной и понесло на берег.

— Смотри! — крикнул Жека.

— Выбросило, выбросило на берег! — воскликнула мама.

Это было как раз за речкой, до которой Жеке обычно разрешалось гулять и которую они сегодня одолели с таким трудом.

Наблюдая за маленьким судёнышком, боровшимся с грозными океанскими волнами, Жека и мама не заметили, что дождь уже кончился. Кончалась и ночь. Вдали из океана выплывала светлая полоса утренней зари. А океан под ней лежал тихий и спокойный. Даже невозможно было подумать, что он так недавно бушевал, грозный и неумный.

— Мам, поедem домой, — сказал Жека.

— Подождём ещё немножко — и солнце взойдёт, и вода в речке спадёт. Легче будет переправляться, — отвечала мама.

Вскоре за светлой полосой над океаном всплыл яркий край солнца, и сразу всё вокруг изменило свой вид. Сопки уже не казались серыми, а сверкали светлой зеленью, внизу за жёлтой полоской берега спокойно лежала серебристая вода. Даже шерсть на Буланке выглядела так, будто её только что аккуратно и старательно вычистили. Мама посадила Жеку и сама вскочила в седло. Буланка, хоть и спускалась с сопки осторожно, выбирая дорогу, но чувствовалось, что она идёт легко и весело. Жеке тоже было весело. Только у мамы было усталое и ещё встревоженное лицо.

Речка была переполнена широко разлившейся водой, но Буланка смело вошла в неё. А вода хоть и разлилась широко, но едва достигала Буланке до брюха. Они спустились в ложбину. Берега за зарослями бамбука ещё не было видно, но дом свой Жека увидел и закричал:

— Мама, смотри, дом наш какой-то не такой! Совсем низенький!

— Вижу, — сказала мама. — Это ураганом снесло крышу.

Жека не очень горевал о крыше.

— А на заставе не снесло, — сказал он. — Смотри, и печка топится, Гена завтрак готовит.

Мама ничего не ответила и стала поторапливать Буланку. Вскоре они уже выбрались из зарослей бамбука на берег. До дома было совсем недалеко.

— Вон там Володя и Саша! — закричал Жека, разглядев что-то делавших возле заставы солдат. Он обернулся к маме и вдруг закричал Буланке: — Стой! Стой!

Мама тоже испуганно оглянулась, но тут же повернулась к Жеке и сказала:

— Как ты меня напугал!

Но Жека не мог успокоиться.

— Ты видишь? Видишь? — кричал он.

— Вижу, — ответила мама.

Неподалёку на берегу лежал, накренившись набок, корабль. У него был голубой, влажно блестящий на солнце корпус, по которому у самого борта шла белая полоса.

— Это рыбацья шхуна, — сказала мама и, оглянувшись ещё раз, добавила: — Японская.

— А ты откуда знаешь? — удивился Жека.

— Видишь значки на борту? Такими значками японцы пишут, иероглифы называются. А написано здесь, наверное, название шхуны.

Жека готов был тотчас соскочить с Буланки и бежать к шхуне, но мама по-прежнему торопилась, и Жека понял, что она хочет увидеть отца. Они даже не заехали домой, а сразу отправились на заставу. Мама соскочила с Буланки, сняла Жеку и быстро взбежала на крыльцо. Жека за ней. Дежурил Алёша. Лицо у него было усталое. Он вызывал кого-то по телефону, но, как только вошла мама, не дожидаясь её вопроса, сказал:

— Все живы-здоровы. Даже японским рыбакам помогли. Сейчас отсыпаятся! Намучились, бедолаги. Шхуна потеряла управление, потрепало их здорово. Имеется один раненый, зашибло, когда выбрасывались на берег, и шхуну разбило.

Маме очень хотелось увидеть отца, но, узнав от Алёши, что все живы и здоровы, она не стала беспокоить его. Только велела ему передать, что они с Жекой благополучно вернулись и идут домой. Про сорванную с дома крышу ничего не сказала, но Алёша, оказывается, и сам всё знал.

— Ребята сегодня же починят, — пообещал он. — А пока идите в столовую, позавтракайте.

Гена встретил их радостно.

— Как только получили из отряда предупреждение, что идёт шторм, дежурный поднял всех по тревоге, — рассказывал он. — Сначала хотели вместе с вами и коров с лошадьми отправить, а Володя сказал: не надо, они только мешать будут. Лучше, сказал, просто выпустить из хлева, и всё. Они и сами не дурные — стоять и ждать, пока затопит. И правда, мы их больше тут не видели. Наверное, вскарабкались на ближайшую сопку по лощине. Ух, и хлестало тут! Думали, все стены разнесёт!

— А японских рыбаков ты видел? — спросил Жека.

— Как же не видел! Одному даже перевязку делал.

— А что с ними теперь будет? — снова спросил Жека.

— Прилетит вертолёт, отправим их в отряд. Там разберутся, что за люди, и помогут им вернуться домой.

— А шхуна их?

— Шхуну здорово разгвадало. Мы, по их просьбе, сняли с неё всё, что было там годное.

В доме вся мебель стояла в воде, и когда мама отворила дверь, с крыльца побежал вниз ручеёк. А сверху в комнаты смотрело голубое небо. Всё в доме было мокрое. Мама принялась вытаскивать постели, чтобы они поскорей просохли на ветру и солнышке, и Жека помогал ей. Они вытащили и одеяла, и подушки, и простыни, и даже Жекин матрац. Только тахту не могли вытащить. Уже потом её вынесли пришедшие ставить крышу солдаты.

Солнце светило вовсю, но Жеке вдруг захотелось спать. Он, как был одетый, растянулся на стоявшей возле дома тахте и сразу же заснул. Снилось Жеке Буланка. Она ходила по их квартире, громко топая копытами, и кричала:

— Сюда, давай сюда! Подвинь с той стороны!

От этих криков Жека и проснулся, и увидел, что дом их стоит уже под крышей. А Володя, поднявшись на переносной лестнице, что-то забивает наверху. Жека вошёл в дом, где мама наводила порядок, потом снова вышел, стал возле лестницы и, задрав голову, смотрел, как работает Володя. Наконец тот кончил стучать, сказал: «Порядок» — и слез с лестницы.

— Ну что, Евгений Борисович, выпался? — спросил он Жеку. — Оно, конечно, после такой ночи я бы и сам минуток триста не отказался подремать.

— А японские рыбаки уже проснулись? — спросил Жека. Ему очень хотелось на них посмотреть. Всё-таки это ведь интересно, какие они, эти японские рыбаки, которым помогли спастись пограничники. Но Володя хмыкнул:

— Ну ты даёшь, старик! Пока ты спал, за ними прилетел вертолёт из отряда. Они теперь, скорей всего, там, а может быть, даже уже у себя дома. Но ты не огорчайся, что не увидел их. Люди как люди, только по-русски не умеют разговаривать. Всего-то и твердят два слова: «Холосо» и «Спасибо». А уж как они рады были, когда мы погрузили в вертолёт вместе с ними всю начинку с их шхуны! Оно и понятно, люди они небогатые. Если будут новую шхуну строить, каждый винтик-болтик в дело пойдёт. Только корпус бросовый нам на память остался.

Жека, едва дослушав Володю, ринулся в дом.

— Мама, можно я к шхуне? — закричал он.

Мама минуту помедлила, но потом сказала:

— Ладно, иди. Только речку поосторожней переходи. — И Жека понял, что после сегодняшней штормовой ночи, которую они провели вместе, мама уже перестала считать его маленьким.

Шхуна всё так же лежала на берегу, чуть наклонившись набок. Жека обошёл её вокруг. Это был настоящий, всамделишный корабль, а не игрушка. Подтянувшись на руках, Жека вскарабкался на борт. Постоял, внимательно оглядев палубу. Вот эта будочка на носу, наверное, капитанская рубка, догадался Жека. А с другой стороны на корме — люк, куда ведёт небольшая лесенка. Там, скорее всего, трюм для рыбы. Оттуда и сейчас ещё доносится рыбный запах. По лесенке можно лазить туда, вниз. Но всего больше Жеку интересовала капитанская рубка. Дверь в неё была вышиблена и висела на одной петле. Но зато... Зато в ней сохранился штурвал. Штурвал!

Жека вошёл в капитанскую рубку, крепко сжал в руках штурвал и попробовал повернуть его. Штурвал послушно повернулся. Это было большим счастьем — вот так сжимать и поворачивать штурвал корабля. Итак, теперь у Жеки имелся свой собственный корабль. А у корабля непременно должен быть капитан, и Жека торжественно назначил себя капитаном. Но одному капитану с таким большим кораблём было не справиться. Нужен был и рулевой, который, получая команды капитана, мог вести корабль. Жека назначил себя не только капитаном, но и рулевым. Понадобились и матросы. Ими тоже стал Жека. Работы у него было по горло. Как капитан он отдавал команду и, тотчас став рулевым, бежал к штурвалу, потом кубарем скатывался по лесенке в трюм, топая так, как могла бы топать вся матросская команда. Жека как раз вёл корабль по штормовому океану, когда к нему подошла мама. Занятый упорной борьбой с разбушевавшимися волнами, Жека даже не заметил, как она приблизилась.

— Жека! — раздался сквозь свист урагана в Жекиных ушах мамин голос.

— Мама! — закричал Жека. — Нас несёт на скалы! Рулевой! Держать влево! Есть, капитан, держать влево!

— Ты сегодня обедать собираешься, капитан? — спросила мама. — Или я теперь каждый раз должна буду бегать сюда звать тебя?

Жека не сразу выпустил из рук штурвал — обед ведь мог подождать ещё немного, а бросать летящий на скалы корабль было невозможно. И Жека сказал маме:

— Поднимайся на борт! Сейчас нас выбросит на берег!

В этот раз мама не стала спорить. Она, как и Жека, вскарабкалась на борт, прошлась по палубе, заглянула в трюм и даже взяла в руки штурвал, который Жека ей доверил. Всё-таки мама была женой пограничника и многому научилась, живя на границе. Это она сама ему сказала сегодняшней ночью.

Они благополучно выбросились на берег и уже собирались идти обедать, как Жека вспомнил, что не знает названия своего корабля. Название у него, конечно, было, но прочитать его Жека не мог, не могла и мама. Жека сначала огорчился, а потом подумал и сказал:

— А можно я его сам назову?

— Можно, — сказала мама.

Жека опять задумался. Не очень это, оказывается, просто: вот так, сразу, придумать название кораблю. Но Жека придумал.

— Знаю! — закричал он. — Давай назовём его «Малыш»!

— Давай, — согласилась мама.

«Так готовит Гена рожки,
что съедают всё до крошки»

Эти стихи, сочинённые Юрочкой Снегурочкой, появились в стенной газете. Они были написаны красивым почерком редактора стенгазеты Алёши немного ниже приказа начальника заставы. А в приказе отмечалась отличная работа Гены. Все радовались и поздравляли Гену, а он ходил какой-то чудной — не то печальный, не то испуганный. Однажды спросил Володю:

— Ты, случайно, не видел, когда отправляли почту, майор моим письма не послал?

— Видел. Послал. Вот такое толстое! — радостно сказал Володя.

А Гена ещё больше загрустил.

— Да ты чего? — приставал к нему Володя.

И Жека удивлялся: чего Гене-то беспокоиться? Отец часто писал письма родителям солдат. Не жаловался даже, если солдат провинится. А уж про Гену он, конечно, написал самое хорошее. А Гена вдруг опустил виновато голову и сказал:

— Зачем я только это письмо написал!

Вот тут-то и стало понятно, отчего Гена такой печальный. Письмо Лиде он тогда послал. А в письме этом расписал сопки на океанском берегу, суровую солдатскую жизнь. Не написал только, что работает поваром. В самом деле! Разве не мог он, как другие ребята, ходить в береговые наряды с

оружием и рацией, дежурить на верхнем посту или стоять ночным часовым? Он и просил об этом. А начальник заставы отвечал:

— Важно не кем ты служишь, а как. — И добавлял шутливо: — Да ребята меня самого съедят, если я лишу их такого повара.

А уж после того как Гена даже в тот страшный шторм сумел вовремя накормить солдат, и отдал майор приказ о его отличной работе.

— Что же теперь будет? — мучился Гена. — Мама, получив письмо с благодарностью самого начальника заставы, конечно, прочтёт его своим приятельницам. Городок, где живут его родители, а главное, где живёт Лида, невелик. Новости распространяются, как по телеграфу. Вот тебе и сопки, и суровая пограничная жизнь! И стоит там на посту повар в белом колпаке!

— Обижаешь ты Лиду, — сказал Володя.

— Почему это? — Лицо у Гены стало не печальное, а сердитое.

Но Володя и внимания не обратил:

— Это только не очень умным людям кажется, что если граница, то непременно каждый день должны быть завлекательные приключения, погони, поиски, засады. И в кино это показывают, и в детективах пишут. И сами мы, по правде говоря, заливаем в наших письмах, особенно девушкам. А в жизни — ты сам это знаешь — на границе хоть и трудная, но служба. Учёба почище, чем в школе. И дел себе солдат не выбирает: это, мол, с удовольствием, а тем пусть дядя займётся. И скучно бывает, и однообразно. Но главное — знать, что рядом с тобой верный, надёжный товарищ. Я уверен: Лида поймёт это.

Жека слушал и думал: ему тоже бывает скучно, но он уверен — с ним рядом надёжные друзья.

Буланка и Орлик

Через несколько дней после шторма на хозяйственном дворе Володя Кольчугин седлал Орлика, молодого резвого конька. Солдаты говорили, что Орлик ходкий, хотя и с капризами. Вот Володя вынес из сарая седло, закрепил его на спине Орлика. Вторая лошадь, Буланка, стояла ещё не осёдланная.

— Ты куда? — спросил Жека.

— Обогревательный домик надо в порядок привести, — ответил Володя. — Его во время шторма здорово потрепало. Мы должны были ехать вдвоём с Сашей, но он дежурит на посту технического наблюдения. Придётся одному.

— А можно я с тобой? — Жека посмотрел на Володю умоляющими глазами. Володя подумал и сказал:

— Спросись у мамы.

Жека в пять минут слетал домой и обратно.

— Отпустила! Можно! — ещё издали закричал он, едва переводя дыхание.

Володя стал седлать Буланку. Жека стоял, смотрел и думал: «Неужели Володя седлает Буланку для меня? Значит, они оба поедут каждый на своей лошади. Вот это да!» До сих пор, если кто-нибудь из солдат сажал Жеку на Буланку, то вёл её на поводу. Ночью в шторм они ехали на Буланке вместе с мамой. А теперь он поедет сам! Жеке даже стало немного страшновато: а вдруг Буланка не станет его слушаться? Но Володя прочитал тревожные Жекины мысли.

— Я поеду впереди, а Буланка сама пойдёт вслед за Орликом. Только поводья не очень натягивай. — Он подхватил Жеку и посадил его в седло. Потом вскочил на Орлика.

— Мы в какой домик поедём? За скалами?

— Нет, в другую сторону.

Жека был немного разочарован. Если бы они поехали к скалам, может быть, увидели бы Малыша. Жека был уверен, что непременно узнает его среди других нерп. Но и в другую сторону ехать верхом было замечательно!

Утро было ясное. Океан потихоньку шлёпал о берег. Впереди бежал Орлик, а Буланка, как и сказал Володя, шла следом за ним. Володя иногда оглядывался на Жеку:

— Ну, ты как там?

— Нормально, — отвечал Жека. По правде говоря, он и сейчас ещё немного побаивался, особенно когда Буланка убыстряла ход, но старался не показывать виду.

Сопки отступили далеко от берега, и кругом тянулась песчаная равнина, на которой торчало много больших серых камней да ещё кое-где пучками выбивалась из-под песка трава. Умница Буланка, выбирая дорогу, ловко обходила камни. Вдруг из травяных зарослей, почти из-под самых Буланкиных

копыт, вылетела птица, да так неожиданно, что Жека крепко натянул поводья. Буланке это не понравилось, она рассердилась и осела на задние ноги. Жека чуть не вылетел из седла. Но Буланка уже по-прежнему послушно шла за Орликом. Жека так старался справиться с Буланкой, что не следил за дорогой, а когда посмотрел вперёд, то не поверил своим глазам: вдали им навстречу двигались два камня.

— Володя! Володя! — закричал Жека.

— Тебе чего? — Володя попридержал Орлика, и их лошади поравнялись.

— Вон камни движутся, — испуганно проговорил Жека, показывая вперёд рукой. — Видишь?

Володя посмотрел и засмеялся:

— Это наши ребята, береговой дозор.

И правда, вскоре уже можно было разглядеть двух солдат с автоматами. А ещё через некоторое время Жека узнал Алёшу и Женю. Поравнявшись, они приостановились.

— Ну, как обход? — спросил Жека, очень довольный, что Алёша и Женя видят его верхом на лошади.

— На границе всё спокойно, Евгений Борисович, — отвечал Алёша. — А ты, я вижу, заправским джигитом стал. Счастливо! — кивнул он Володе и Жеке, а Жене сказал: — Двинули! — И они зашагали дальше.

Жека оглянулся. Позади простиралась равнина, на которой в беспорядке лежали камни и виднелись удаляющиеся фигурки солдат. Алёша приостановился и что-то говорил по рации. Может быть, он докладывал дежурному, что встретил на маршруте Володю и Жеку.

Маленький обогревательный домик стоял совсем косо, наклонившись набок, дверь повисла на одной петле, окошко было разбито. Володя соскочил с Орлика и хотел помочь Жеке, но Жека уже и сам прыгнул.

— Молодец! — похвалил его Володя. Он некоторое время постоял, глядя на домик, потом сказал: — Надо поднимать.

— А как ты его поднимешь? Ты же не великан! — удивился Жека.

— Знаешь, глаза страшатся, а руки делают, — отвечал Володя. — Я сейчас пройду по берегу, поищу кое-что, а ты пригляди за лошадьми, чтобы не ушли далеко.

Лошади щипали траву — Буланка возле домика, а Орлик уходил всё дальше.

— Орлик! Орлик! — позвал Жека, но тот и внимания не обратил.

Стоило Жеке приблизиться, как он отбежал ещё дальше, словно дразнился: «Ну-ка, поймай меня!» Жека оглянулся — домик был уже совсем далеко. Жека закричал:

— Володя!

Но Володя не слышал, его и видно-то не было. Жека чуть не заплакал. Что делать? Пока он будет искать Володю, Орлик совсем далеко уйдёт. И вдруг Жека сообразил: лёг на землю и стал попластунски осторожно двигаться к Орлику, прячась то за камнями, то за высокой травой. Вот он уже совсем приблизился к Орлику. Конечно, лучше было бы подползти к нему сзади, но Жека помнит, Володя учил: «К лошади надо подходить спереди, не то может лягнуть». Жека подполз к Орлику осторожно-осторожно, быстро вскочил и схватил повод. Орлик послушно пошёл за Жекой.

Володя уже был возле домика. Он оглянулся, и Жека сказал небрежным голосом:

— Буланка паслась тут, а Орлика я пригнал.

Володя кивнул. Пока Жека ловил Орлика, он притащил откуда-то бревно, топором обтесал его с одного конца и теперь подсовывал острым концом под домик с той стороны, на которую он наклонился. А потом всей тяжестью навалился на другой конец бревна и прохрипел:

— Помогай!

Жека тоже навалился на бревно, и домик медленно стал выпрямляться. Володя стучал топором, вгоняя бревно под стену, а Жека смотрел, как он работает, и радостно думал, что сегодня всё очень хорошо получилось. И на Буланке он проехал верхом, и Орлика поймал, и Володе помог.

— Ты вот что, — сказал Володя, — давай тащи сюда сухие водоросли, сучья и деревяшки, которые найдёшь на берегу.

Пока Жека таскал охапки водорослей и волочил корявые сучья, Володя и дверь навесил.

— А теперь проверим печку, — сказал он, и Жека догадался, зачем были нужны сучья и водоросли.

Железная печурка с изогнутыми трубами словно ждала, когда её затопят. Володя велел Жеке:

— Посиди передохни, — а сам схватил котелок и выбежал из домика. Вскоре он вернулся с котелком, полным воды.

— Где ты воду пресную взял? — удивился Жека.

— Неподалёку ключ бьёт. Ох, и вкусная тут вода!

Печка гудела и пыхла, вода в котелке громко забулькала. Володя развернул тщательно упакованные Геной бутерброды, а потом, как фокусник, вытащил из кармана несколько розовых с белыми хвостами редисок.

— Уррра! — закричал Жека. Давным-давно, почти целый год, не ел он редиски. А теперь вот она появилась на огороде.

Чайник уже не шумел и не свистел, а клокотал. Володя налил кипяток в алюминиевые кружки. Всё было замечательно вкусно: и бутерброды, и редиска, которую Жека с хрустом раскусывал и запивал кипятком. Может, кому-нибудь и покажется, что это не такая уж вкусная еда — редиска с кипятком. Но, значит, этот человек никогда не ездил верхом на лошади в далёкий обогревательный домик на берегу океана, не ловил капризного коня, не собирал водоросли и сучья, не сидел у горячей печки и не пил кипятка из алюминиевой солдатской кружки.

Секрет

Секрет начался утром. От него из кухни шёл такой вкусный запах, что Жека проснулся раньше, чем обычно, и, шлёпая по полу босыми ногами, тотчас побежал на кухню.

Вкусный запах шёл от духовки. На плите что-то громко булькало в большой кастрюле, а мама, склонившись над столом, колола орехи.

— Доброеутроможнобудупомогать, — быстро, как скороговорку, проговорил Жека.

— Доброеутроможно, — так же быстро, без остановки, улыбаясь, ответила мама и добавила уже нормальным голосом: — Только всё по порядку — зарядка, постель, завтрак...

— Хорошо, — согласился Жека. — А ты положи «кродила» и больше без меня не коли.

Мама опять улыбнулась и отложила щипцы.

Жека глянул в окошко. Дождик. Только не сильный, а мелкий. Жека постоял, подумал, где лучше делать зарядку. В комнате, конечно, приятней: тепло и не капает. Зато на дворе столбы с перекладиной, и там сейчас Женя Гитарист крутит «солнце». Не зря ведь тогда, когда Женя только приехал на заставу, Жека показал ему, как подтягиваться, и сказал, что главное — тренировочка. Женя тогда подтягивался с трудом, а теперь вон как летает! Жека так не умеет. Он посмотрел, не видит ли мама, и выскочил из дома. Женя уже кончил крутить «солнце» и побежал на заставу, а Жека вскарабкался по столбу. Столб был мокрый, и Жекина майка и трусы тоже стали мокрыми на груди и животе, но подтягиваться на перекладине это не мешало. И холодно Жеке не было ничуть. Теперь надо застелить постель, умыться и позавтракать. Жека подбежал к постели. На ней лежали чистые майка и трусы. Значит, мама всё-таки видела, что он выбежал на зарядку раздетый, но ругать его не стала и даже майку с трусами приготовила, чтобы Жека мог переодеться.

Мама подавала завтрак, а кастрюля на плите по-прежнему громко булькала. Жека, встав на цыпочки, заглянул в неё: в кастрюле стояли банки со сгущённым молоком. Сгущённое молоко и так вкусное, но становится ещё вкуснее, если его сварить. Мама варит его долго-долго, и получается густая помадка светло-коричневого цвета.

Но вот со всеми делами было покончено. Жека взял в руки кродила. У него была распахнутая пасть с рядами зубов, длинная, переходящая в хвост спина, тоже зубчатая. А над ней поднималось такое же длинное перепончатое крыло. Жека заложил орех в пасть крокодилу, а его крыло прижал к хвосту. Орех тотчас хрустнул и раскололся. Жека ещё раз внимательно поглядел на кродила.

— Мама, — щёлкая щипцами, закричал он, — а у кродила бывают крылья?

— Не бывает, — сказала мама. — Крокодил ведь не птица.

— А у этого почему? — показал Жека щипцы.

— Это не крокодил. Это дракон. Такое сказочное существо. Помнишь, мы сказку читали про злого дракона? Но крокодилы на самом деле живут на земле в жарких странах, а драконов нету вообще. Люди их просто выдумали — и драконов, и леших, и русалок, и ведьм, и чертей...

— А давай с тобой тоже кого-нибудь выдумаем, — сказал Жека. — Все будут их бояться, а мы с тобой будем знать, что их нету. Нет, — продолжал он, подумав. — Мы давай лучше кого-нибудь доброго выдумаем. Доброго волшебника. Ну и что же, что его нету. Он всё равно есть, только понарошку.

— Ой, — сказала мама, — пока мы тут с тобой будем выдумывать, бисквит сторит! — и поспешно стала вынимать из духовки противень.

— А ты что печёшь? — спросил Жека.

— Секрет, — отвечала мама. — Но тебе я этот секрет скажу, ведь мы с тобой его вместе делаем. Только, чур, до вечера никому ни слова! Это торт для Саши, новичка, который недавно на заставу приехал.

— Знаю, — сказал Жека. — Он с Диком работает.

— Так вот, у него сегодня день рождения.

— Здорово! — воскликнул Жека. — Я помню: ты и Алёше на день рождения пекла, и Володе, и Юре...

— Такой уж у нас на заставе обычай, — сказала мама, — порадовать именинника. Только Саша этого не знает.

— А чай мы сегодня на заставе будем пить?

— На заставе, как всегда в праздничный день. Только помни, до вечера — секрет.

Саша прогуливал Дика. Дождь всё моросил, и гладкая, тщательно вычищенная шерсть Дика, носившегося по берегу, лоснилась от влаги. Дик был весёлый, а Саша грустный. Он ответил Жеке: «Привет!», а сам продолжал смотреть на тусклый, словно подёрнутый белёсой плёнкой, океан. Жека знает: если кто-нибудь вот так стоит в одиночестве на берегу и долго смотрит на океан, значит, ему грустно.

Жеке захотелось сказать Саше что-нибудь хорошее, только он не знал, что. Конечно, лучше всего было бы сказать про секрет. Мама уже вытащила его из духовки, осторожно разрешила ножом поперёк, так что получились две половины. Сначала намазала слой коричневой помадки на нижнюю, а потом и на верхнюю и посыпала её орехами. Секрет получился очень красивый и вкусный. Жека его, правда, не пробовал — мама дала ему только вылизать банки из-под сгущёнки, но он всё равно знал, что секрет вкусный. Жаль, что рассказывать про него до вечера нельзя. А Саша продолжал стоять на берегу и грустно смотреть на океан. Жека спросил:

— Ты с прошлым вертолётном письмом получил? Как там Найма?

— Скучает, — сказал Саша, обернувшись к Жеке. — Братишка пишет, что она вытащила из шкафа все мои вещи и разбросала по комнате. Больше ничьи не вытащила, только мои.

— А откуда она знает, где твои вещи, а где не твои?

— Собаки всё знают, — сказал Саша. — Они только сказать не могут, а понимают иногда лучше, чем человек. Вот у нас был случай: загорелся дом, старенький такой, одноэтажный. Отчего загорелся, неизвестно. Хозяин на работе был, хозяйка в магазин побежала. Соседи вызвали пожарную машину. Пожарники первым делом спрашивают, есть ли, мол, кто в доме. Соседи отвечают: «Нет. Вон замок на дверях». А собака, которая у этих людей жила, подбежала к пожарному и тянет его за собой. Хорошо, пожарный умный попался, послушался собаки. Она в окно — и он за ней. Она под кровать, а там хозяйский сынишка. Маленький ещё. Когда мать уходила, он спал, и она не стала его будить, заперла дом на замок, и всё. От дыма и огня он проснулся, испугался и забился под кровать. Люди рассказывали потом, что раньше хозяйка всё ворчала на мужа: зачем собаку завёл, прогоняла её, а после этого случая гладит её и даже плачет. Собаку нужно только уметь понимать.

Рассказывая про собаку, Саша немного оживился, но потом замолчал и снова стал грустный.

— Вот ты, наверное, радуешься, когда у тебя день рождения? — спросил он Жеку.

— Ещё бы! — сказал Жека. — Все поздравляют. А папа в этот день мой рост на дверях отмечает. Я стану возле дверей, а он приложит к моей голове линейку и проведёт на дверях чёрточку. У меня уже целых шесть чёрточек. А у тебя дома были чёрточки?

— Были, — сказал Саша. — Последнюю в десятом классе отмерили. А братишка, хоть и младше, ростом меня обгоняет. Вот так и летят дни, месяцы и годы, — вздохнул Саша. — Не успеешь оглянуться — тебе уже девятнадцать. Пойдёт двадцатый. А там, глядишь, и тридцать стукнет. Совсем старик. Считай, что жизнь позади.

Саша опять замолчал. Стоял, ссутулясь, под морозящим дождём и о чём-то думал. Жеке ещё больше захотелось сказать Саше что-нибудь хорошее.

— А сегодня вечером будет секрет, — сказал он.

— Какой секрет? — спросил Саша.

— А это — секрет! — важно ответил Жека. — И до вечера про него никому нельзя говорить.

Саша засмеялся. Жека был очень доволен. Ведь он не сказал, какой секрет, значит, не нарушил слова. А Саша вот засмеялся и перестал смотреть на океан. Подозвал Дика, и они вместе стали с ним играть.

Клоун лучше, чем лекарства

К вечеру мама надела своё нарядное платье и Жеке приготовила самую красивую рубашку. Ведь сегодня вечером у них на заставе будет праздник.

И вот все, кто был свободен от дежурств, сидели в столовой за сдвинутыми столиками. Жека, конечно, сидел рядом с Сашей. А на столе стоял мамин торт. И теперь он уже был не секретный.

Отец поздравил Сашу, пожелал ему успешной службы и хороших писем из дому. Пока пили чай, Жека всё думал о Саше, о его братишке, который остался дома с Наймой. Вспомнил, как Саша говорил, что братишка хоть и младше, но перегоняет его ростом. «Но ведь Саша и здесь на службе тоже растёт», — подумал Жека и сказал:

— А давайте проведем Саше на дверях чёрточку!

— Какую чёрточку? — спросил Юрочка Снегурочка, сидевший по другую сторону от Саши.

— Чтобы узнать, на сколько он вырастет.

Солдаты засмеялись, завозились и потащили смущённого Сашу к дверям. Кто-то принёс линейку и карандаш, а Алёша, приложив линейку боком к дверному косяку, провёл карандашом чёрточку над Сашиной головой.

— Можешь измерить и послать мерку домой, — сказал кто-то из солдат.

— Нет, — возразил другой. — Это он пусть перед увольнением в запас пошлёт, чтобы ему к приезду заказали новый костюм!

— Тогда и в ширину надо измерить! — подхватил третий.

А Саша, улыбаясь, смотрел на товарищей.

А вечером, когда Жека с мамой и отцом шли домой, отец сказал маме:

— Мне сегодня вспомнилась древняя притча: «Один клоун полезнее для города, чем осёл, нагруженный вьюками лекарств».

Жека сначала не понял, о чём говорит отец, а потом догадался: отец хотел сказать, что жить нужно весело. В городе хорошо. Там столько интересного, а у них на острове нет ни клоуна, ни даже осла. А они всё равно стараются не скучать. Вот и мама устроила Саше праздник, а солдаты шутили и смеялись, и Жека немного повеселил всех. А лекарства — ну их, пусть лежат в аптечке.

Радостное событие

Случилось радостное событие: у Жеки заболел зуб. Обычно человек не радуется, если у него болит зуб. И Жека тоже сначала не радовался. Даже на заставу не пошёл. Сидел и держался рукой за щеку. Мама приготовила полоскание, повязала Жеке щёку тёплым платком, но зуб продолжал болеть.

— Ничего не поделаешь, — сказала мама. — Сегодня прибудет вертолёт, придётся нам с тобой лететь в санчасть.

— В санчасть лететь? На вертолёте? — переспросил Жека удивлённо-радостным голосом, но, испугавшись, что мама передумает, тут же снова схватился за щеку.

Известно: если у человека болеет зуб, он идёт к зубному врачу, но на острове, где живёт Жека, врача нет. Когда кто-нибудь на заставе болеет, звонят на большой остров, где располагается отряд. Там и госпиталь есть, и санчасть. Если заболевание несложное, врач по телефону даёт совет, как лечить больного. А если что-нибудь серьёзное, врач прилетает к больному на вертолёте. А иногда на этом же вертолёте увозит больного в госпиталь. Но к Жеке врачу прилетать было незачем, ведь зуб надо лечить в зубном кабинете.

Мама наскоро собрала необходимые вещи, а Жека всё прислушивался, не раздаётся ли стрекотание вертолёта. И, услышав его, так с повязанной щекой и выбежал из дому. Лётчик дядя Серёжа подхватил Жеку на руки, посадил в вертолёт.

— Ничего, брат, потерпи ещё немного. Быстро доставим тебя по назначению. Всего-то и лёту пятнадцать минут, — сказал он и помог забраться в вертолёт маме.

Сидеть в вертолёте Жеке случалось. Случалось, дядя Серёжа разрешал ему забираться в вертолёт и даже потрогать разные кнопки. Но подниматься на вертолёте в воздух Жеке не приходилось. Жека был согласен даже терпеть зубную боль, лишь бы полететь на вертолёте. Он снял со щеки платок, весело помахал отцу и солдатам. Вертолёт загудел, задрожал, и Жека вдруг увидел, что они уже оторвались от земли и внизу быстро уменьшается здание заставы. Ещё некоторое время под вертолётom проплывала ровная, покрытая зелёным травяным ковром земля, а потом засверкала — куда ни глянешь — большая, широкая вода. Но вскоре снова показалась земля. Жека подумал; не успели сесть в

вертолёт, как уже готово — приземлились. Он с сожалением выбрался из вертолёта, но тут сообразил, что им с мамой предстоит возвращаться обратно, и повеселел.

Тёплый остров

Возле вертолётной площадки Жеку с мамой ждала машина. За рулём сидел молодой паренёк в такой же зелёной фуражке, как солдаты на заставе.

Хотя остров, на который они с мамой прилетели, находился в пятнадцати минутах лёта от их дома, он был совсем другим.

Остров, на котором они живут, совсем ровный — Жека сам убедился в этом, глядя из вертолёта. Только возле заставы поднимаются вверх скалистые сопки. И деревьев на острове мало. Да и они низенькие, скрученные ветрами, словно стараются пригнуться пониже к земле. А кругом только трава и бамбук. Тут же, чуть отъехав от вертолётной площадки, машина нырнула в лес. Жека смотрел во все глаза. За окошком тянулась серо-зелёная стена, состоящая из толстых высоких стволов. Некоторые деревья выступали чуть вперёд, словно хотели выбежать на дорогу, и тогда можно было разглядеть, что серый ствол дерева снизу доверху обвит, словно лентой, густой ползучей зеленью.

— Мам, смотри, они украшены гирляндой, как ёлка! — закричал Жека.

Ёлки на Жекином острове не растут, но к Новому году вертолёт привёз на заставу ёлку. В физкультурный зал перетаскали из столовой столики и стулья, туда же Володя внёс смолисто пахнущую ёлочку. Жека было сунулся за ним, но лучший друг Володя сказал: «Посторонним вход воспрещён!» — и захлопнул двери перед самым Жекиным носом.

Жека серьёзно обиделся тогда на Володю. Разве он посторонний на заставе? Кто иногда зовёт к телефону дежурного? Жека! Кто рисует картины, которые висят на стене в коридоре и в столовой? Жека! Кто первый прибегает сообщить, что вертолёт привёз почту? Опять Жека! И вдруг на тебе — посторонний. Жека хмурый стоял в коридоре возле закрытых дверей и, честно говоря, даже готовился зареветь от такой отчаянной обиды. Но тут проходивший мимо Юра сказал:

«Ты, старик, не того, не обижайся. Они никого не пускают. Потому что готовят сюрприз. А какой же сюрприз, если все будут об этом знать? Новогодний вечер — особенный».

И правда, вечер оказался особенным. Жека вспомнил о нём и даже сейчас тихонько засмеялся. В тот вечер Жеку не уложили спать, как обычно, и он вместе со всеми сидел за длинным столом, составленным из маленьких столиков. Жекин отец поздравил всех с Новым годом, а потом, потом в зал вошёл Дед Мороз, а с ним Снегурочка. На Деда Мороза, хотя у него был целый мешок с подарками, почему-то никто не обратил внимания. Все кричали: «Красавица Снегурочка, до чего ж ты хороша!» — хлопали в ладоши и смеялись. Жека тоже хлопал в ладоши, а сам думал: «Конечно, и Дед Мороз, и Снегурочка не вразвешенные. Но тогда кто они? Как появились у них на острове? Прилетели вместе с ёлкой и незаметно вылезли из вертолёта?» Нет, Жека собственными глазами видел, что из него никто, кроме дяди Серёжи, не вылезал. А сейчас необычные новогодние гости идут вдоль длинного праздничного стола и каждому дарят подарок — прозрачный пакет, а в нём конфеты, печенье и даже апельсины. Не все места за столом заняты — ведь многие солдаты даже в праздник Нового года находятся на посту. Но эти удивительные гости и о них не забывают: каждому кладут на стол подарок. Жека старался получше разглядеть их. Дед Мороз в тулупе и в валенках, как часовой на посту. Только на голове не ушанка, а красная шапочка с помпоном. Ну и конечно, большая белая борода. А Снегурочка в какой-то очень знакомой шубе и в платке, концом которого прикрывает лицо. Жека даже было подумал, что это мама нарядилась Снегурочкой. Но мама сидела за столом рядом с папой и тоже смеялась. А солдаты продолжали кричать:

«Снегурочка, покажи своё личико!»

«Снегурочка, попляши!»

И Снегурочка закружилась вокруг ёлки в быстрой весёлой пляске. Потом они с Дедом Морозом поклонились всем и вышли из зала. А вскоре появились за столом Володя и Юра. И Жека услышал, как Юра, вытирая раскрасневшееся лицо, тихонько сказал Володе:

«Ох, и упарился я! Плясать в такой одежке потрудней, чем на верхний пост взобраться!»

А Жека вскочил и громко закричал:

«Я узнал! Узнал! Юрочка Снегурочка!»

Вот какую историю напомнили Жеке мелькающие за окном машины, увитые зелёными гирляндами деревья.

— Мама, опять гирлянды! И вон, и вон! — кричал Жека.

— Это лианы, — сказала мама. — Такие растения.

Жека не переставал удивляться:

— Смотри, какой бамбук! А это что? Зонт! А вон другой! Мама, смотри, здесь растут зонты!

И правда, огромный лист на толстом высоченном стебле был похож на зонт. Под таким листиком могли спрятаться от дождя и Жека, и мама.

— Не узнаёшь? Это ведь лопухи. Они у нас тоже растут, только не такие большие.

— А тут почему всё большое? — спросил Жека.

— Наверное, потому, что здесь из-под земли бьют горячие источники, — отвечала мама. — Но точно я и сама не знаю.

Они въехали в ворота, возле которых стоял часовой. Он проверил документы у мамы и сказал водителю:

— Проезжайте!

Интересно сидеть в очереди

Машина остановилась. Мама поблагодарила водителя, и они с Жекой вошли в крашенный белой краской дом. Мама подошла к окошку, что-то спросила у женщины в белом халате, и та повела их по длинному коридору с многими дверьми. Возле стены напротив дверей стояли стулья, и на них сидели люди — взрослые и дети. Женщина в белом халате сказала:

— Этот мальчик с дальнего острова и с острой болью, он пройдёт вне очереди.

Жека даже огорчился. Зачем им спешить? Гораздо интересней сидеть в очереди и разглядывать незнакомых людей. У них на острове все знакомые, видишь их каждый день. Даже вертолётчик, который прилетает к ним, дядя Серёжа, — и тот знакомый. А тут вон сколько разных людей!

Больше всего его заинтересовал мальчик в клетчатой рубашке и коротких штанах. Одна коленка ободрана и смазана йодом. У Жеки тоже часто бывают ободранные коленки, и мама мазет их йодом. Удивляется: «И где это ты ухитрился так ободрать?» А Жека и сам не знает где. Разве всё упомнишь?

«Хорошо бы, если бы этот мальчик жил у нас на острове, — думает Жека. — Конечно, дома много друзей — и Алёша, и Володя, и Юра, и Костя, и Гена, и другие солдаты. Но ведь они заняты. А этот мальчик... Интересно, как его зовут?» Но спросить Жека постеснялся. Мальчик сам посмотрел на него и спросил:

— Это ты с дальней заставы?

— Я! — обрадованно сказал Жека.

— Пойдём! — позвал мальчик, кивнув на другой конец коридора.

— Пошли! — вскочил Жека.

— Далеко не уходите, — предупредила Жекина мама.

— Мы здесь будем, — успокоил её мальчик.

Они с Жекой отошли в сторонку к окну и стали разговаривать. Верней, говорил мальчик, а Жека больше слушал.

— У меня велосипед есть. «Орлёнок». Я уже давно умею ездить на двухколёсном. А ты?

Жека не умел ездить на двухколёсном велосипеде, потому что такого велосипеда у него не было. Ему не понравилось, что этот мальчишка хвалится. Жека мог бы ему сказать в ответ:

«А я умею ездить верхом на лошади. А ты?»

Но подумал об этом он уже потом, на лестнице, когда они с мамой уходили из санчасти. А тогда он промолчал. А мальчишка продолжал:

— У меня ещё есть модель дистанционного управления. Нажмёшь на рычажок, и она повернёт куда хочешь. Большая. Вот такая, — развёл он руки.

Жека помолчал, подумал и сказал:

— А у меня есть шхуна. «Малыш» называется. Вот такая, — показал он от окошка до стульев, на которых сидели люди, ожидавшие очереди к врачу.

— Ври больше, — сказал мальчишка.

— А вот и не вру. Она настоящая. Понимаешь?

— Понимаю, что ты врать здоров.

— А спроси у моей мамы. Спроси! — сказал Жека.

Мальчишка уже направился к Жекиной маме, но тут из кабинета зубного врача открылась дверь,

выглянула медсестра и сказала:

— Кто тут с дальнего острова? Проходите.

Пограничники не плачут

В зубном кабинете Жеке совсем не понравилось. Посреди кабинета возле кресла с высокой спинкой стояла какая-то штуковина с проводом, а на столике возле врача сверкали разные металлические лопаточки, щипцы и иголки. Увидев всё это, Жека даже не поздоровался с врачом. Когда же врач, молодая женщина в белом халате, указав на кресло, сказала: «Садись, милый!» — Жека крепко ухватился за мамину руку и потащил её из кабинета.

— У меня не болит зуб! — кричал он. — Поедем на аэродром, а то дядя Серёжа улетит!

Мама сказала:

— И не стыдно? Вот уж не знала, что ты такой трусишка.

Жека уважал и любил людей смелых. Ведь не зря он вырос на заставе. И себя он тоже считал человеком смелым. Он бы не побоялся идти в береговой наряд не только летом, но даже зимой, в мороз и метель, не побоялся бы даже ночью стоять на посту, особенно если бы ему дали автомат. Но вот тут, в кабинете, у Жеки испуганно заколотилось что-то внутри, а из глаз сами по себе потекли слёзы. Женщина в белом халате сказала:

— Подожди плакать. Давай поговорим. Для начала познакомимся. — Она заглянула в карточку и сказала: — Тебя Женей зовут? Да?

— Женей, — кивнул Жека. Он и правда перестал плакать и слушал, что говорила врач.

А врач продолжала расспрашивать:

— Ты с дальнего острова. Значит, пограничник?

Жека кивнул.

— У меня на приёме бывают пограничники, и я ни разу не видела, чтобы кто-нибудь плакал.

— А я не плачу, — сказал Жека.

— Очень хорошо, — сказала доктор. — Значит, мне просто показалось. А вообще-то я даже не понимаю, чего тут плакать? Разве я такая страшная? У вас на острове медведи водятся? — спросила она вдруг.

— Водятся, — сказал Жека. — Мне ребята один раз даже следы медвежьи показали. Вот такие огромные, — раздвинул Жека руки.

— Ты очень испугался? — спросила доктор.

— Совсем не испугался, — сказал Жека.

— А я что, по-твоему, страшной медведя?

Жека улыбнулся:

— Нет, медведь страшной.

— Ну вот мы и познакомились, — весело сказала доктор. — Садись в кресло и давай посмотрим твой зуб, тот самый, что перестал болеть. Если будет больно, подними палец. Договорились?

Жеке больно не было, но он всё равно держал палец наготове. Уж очень противно жужжала и скреблась во рту какая-то штука на проводке. А доктор весело говорила:

— Сразу видно, что ты пограничник. Вернёшься домой, можешь сказать папе, что вёл себя молодцом.

Жека обрадовался. Правда, он сначала испугался, но ведь теперь перестал бояться.

— Ай! — вдруг крикнул Жека и поднял палец.

— Сейчас, одну капельку, — сказала доктор. — Ну прямо чуть-чуть.

Жека держал палец поднятым кверху, но молчал. Ведь доктор сказала, что он вёл себя молодцом, и он старался так вести себя изо всех сил. Наконец доктор отложила противную жужжащую штуку.

— Всё, всё. Сейчас поставим пломбу, и зуб будет как новенький. Готово. Теперь посиди, только рот не закрывай. Пломбу я тебе поставила. Она должна затвердеть.

Пока Жека сидел с открытым ртом, врач разговаривала с мамой.

— Мой муж тоже пограничник, — говорила она. — Вначале трудно было. Служил он в таких местах, где для меня работы не находилось. А сейчас он в отряде, и я, наконец, получила возможность работать по своей специальности. И дети тоже — старший в школе, младшая в детском саду. Но, как ни трудно было, сейчас те годы вспоминаю добром.

Когда врач разрешила Жеке закрыть рот и они стали прощаться, Жека совсем осмелел. Он сказал:

— Прилетайте к нам на остров с вашим мальчиком. У меня есть рыбацья шхуна. Настоящая!

— Спасибо, милый! — весело сказала врач, — А ты будь здоров, пограничник!

Когда Жека с мамой вышли из санчасти, машины не было.

— Как же мы до аэродрома доберёмся? — беспокоился Жека. — Вдруг дяде Серёже надоест ждать, и он улетит без нас?

— А мы сегодня не полетим домой и завтра тоже не полетим. Придётся ждать, когда к нам на остров направят вертолёт.

— А где же мы будем спать? спросил Жека.

— В отряде, в гостинице, отвечала мама.

— В отряде! — обрадовался Жека. Наконец-то он увидит, что такое отряд, и гостиницу тоже увидит. Да и по улицам пройти интересно.

Пограничная девочка

Гостиница оказалась обыкновенным домом, таким же двухэтажным, как и санчасть. Внизу за столиком сидела немолодая женщина. Мама поздоровалась с ней и сказала:

— Опять я к вам, Мария Ивановна. На этот раз с сыном. — Мама потихоньку подтолкнула Жеку, и он поздоровался с Марией Ивановной.

— Здравствуй, здравствуй, — ответила Мария Ивановна. — Идите в седьмую комнату. Там уже есть одна жилищка с девочкой. Лет ей, похоже, столько, сколько тебе, — посмотрела она на Жеку. Они на материк летят. А пока теплохода дожидаются на Сахалин. Тоже с далёкой заставы. Сейчас они в столовую пошли. Может, там и встретитесь. Женщину Леной зовут, а девочку Мариной.

Седьмая комната была похожа на солдатскую спальню на заставе. Только кроватей тут стояло всего несколько, да и сама комната была поменьше. На одной кровати лежала большая кукла с белыми кудрявыми волосами, одетая в красное платье и красные туфельки. Жека догадался, что это кукла девочки Марины. Пока мама вешала в шкаф вещи, Жека разглядывал куклу. Ну и что же, что он был мальчик, да ещё с пограничной заставы! Мальчикам тоже иногда интересно поиграть с куклой, только они почему-то не признаются в этом. Глаза у куклы были закрыты. Казалось, что кукла спит. Жека потихоньку поднял её. Кукла открыла круглые голубые глаза. Жека даже немного испугался от неожиданности. Он повертел куклу в руках, и она вдруг пропела тоненьким голоском: «Мама».

— Ой, — сказал Жека и засмеялся.

— Жека, — сказала мама, — разве можно брать чужие вещи без разрешения?

— Марина не обидится, — уверенно сказал Жека.

В самом деле, если бы эта Марина приехала к ним на остров, Жека с удовольствием разрешил бы ей играть своими игрушками.

Всё же куклу пришлось положить на место. Они отправились в столовую. На улице Жека всё время вертел головой. Сколько домов, людей, ребят! Вот девочки скачут через верёвочки. Две держат их, а третья прыгает, да так ловко: прыжок — и вот уже одна её нога между верёвочками, второй — и уже другая нога между верёвочками. Прыгает и громко считает:

— Сорок пять, сорок шесть, сорок семь...

«Интересно, до скольких она допрыгает?» — думает Жека.

А вот гурьба мальчишек гоняет во дворе футбольный мяч. У них на заставе тоже есть футбольный мяч, и ворота стоят. Солдаты иногда играют в футбол, но Жека с ними не играет. Он только смотрит и болеет то за одну, то за другую команду. Сам не может разобрать, за какую больше — ведь и в той и в другой его друзья. Но то солдаты, а тут мальчишки, такие же, как и Жека. Жека застывает на месте и не может оторвать от них глаз. И мама не поторапливает его, а стоит рядом и терпеливо ждёт.

— Гол! — раздаётся радостный вопль мальчишек.

И Жека тоже кричит:

— Гол! — И прыгает.

— Ну, пошли, сынок, — напоминает мама.

В столовой за столиками сидят офицеры. Жека по погонам узнаёт: вот майор, как и его отец, вот капитан, вот два лейтенанта... А за одним из столиков — молодая женщина с девочкой. Жека с мамой подошли к ним.

— Извините, вас не Леной зовут? — спросила мама.

— Леной, — удивлённо ответила женщина.

— А меня — Наташей, — сказала мама. — Мы с сыном сегодня прилетели, и теперь мы ваши соседи.

— Очень приятно, — улыбнулась женщина. — А это моя дочка Мариша.

— Жека, познакомься с тётей Леной и Маришей, — сказала мама.

— Здравствуйте! — сказал Жека, но Марина ничего не ответила и прижалась к своей маме, словно хотела спрятаться за её спину.

— Совсем она у меня дикарка, — пожаловалась тётя Лена. — Растёт одна, без сверстников.

— Вот и мой сын тоже, — сказала мама.

А тётя Лена пригласила:

— Садитесь, пожалуйста, с нами.

Жека обрадовался. Он сидел и потихоньку разглядывал Марину. Она немного была похожа на свою куклу: светлые волосы, красное платье, а в волосах большой красный бант. Марина глянула на Жеку и отвернулась. А Жеке вдруг стало очень весело. Повар в белом халате, из-под которого виднелась военная форма, подал им борщ. Жека очень любил борщ, но сейчас ему было не до еды. Ах, как ему хотелось сейчас придумать что-нибудь такое, чтобы Марина тоже развеселилась.

— А у нас на заставе Гена готовит тушёнку с рожками, — сказал он и, приставив к голове пальцы в виде рожек, тоненько, пропел: — Бе-е!

Марина прыснула, и борщ потёк у неё по подбородку.

— Мариша! — укоризненно сказала Маринина мама, вытирая ей рот салфеткой.

— Жека! — так же укоризненно сказала Жекина мама, но было видно, что они не сердятся.

После обеда, когда они вышли из столовой, Жека и Марина взялись за руки, шли по улице и хохотали, потому что всё вокруг было весёлым и смешным.

— А у меня есть шхуна. Не игрушечная, а настоящая. Называется «Малыш», — сказал Жека.

Марина не стала говорить, как мальчишка в поликлинике: «Ври больше!» Она серьёзно слушала Жеку. И Жека обрадовался. Он рассказал и про шторм, и про Малыша, в память о котором он назвал свою шхуну. Марина всё внимательно слушала. Жека подумал, о чём бы ещё ей рассказать, и сказал:

— А я умею преодолевать учебную полосу.

Жека вовсе не собирался хвалиться. Просто рассказывал, чтобы Марине было интересно. Марина опять серьёзно слушала, а потом сказала:

— И я умею.

— Ты? — удивился Жека. — Ведь ты девочка, а девочки не бывают солдатами.

— Мой папа говорит, что я не обыкновенная девочка, а пограничная, — сказала Марина.

Жекина и Маринина мамы собрались в универмаг.

— А мы не пойдём, мы будем играть! — сказал Жека.

— Мы останемся в гостинице и будем играть! — сказала Марина.

Мамы переглянулись, подумали и ответили:

— Играйте, только не очень шумите, а то Мария Ивановна рассердится.

Они и не шумели. Зачем им было шуметь? Шумел шторм, грохотал гром и сверкала молния, когда Жека поворачивал выключатель и включал свет. Они с Мариной и её дочкой Катей плыли на шхуне. Шхуной была одна из кроватей, но это не имело значения, потому что Жека представлял себе настоящую шхуну. И шхуна эта не лежала, завалась немного набок, на песчаном берегу, а неслась по бурным океанским волнам. Спинка кровати вполне заменяла штурвал, матрац — палубу, а трюм разместился под кроватью. Опять Жека был и капитаном, и рулевым, и матросами. Этот смелый и дружный экипаж уверенно и ловко вёл шхуну сквозь шторм и бурю. Марина с завёрнутой в одеяльце Катей были пассажирами. Катя от страха закрывала глаза и жалобно пищала: «Мама», а Марина успокаивала её. Марина так же, как и Жека, не боялась ничего. Ведь она была не обыкновенной, а девочкой пограничной. А потом из бурных волн вынырнул Малыш и закричал Жекиным голосом:

— Лево руля! Лево руля! А то налетите на скалы и разобьёте шхуну!

Вернувшиеся из универмага мамы долго не могли уговорить преодолевающих штормовые волны путешественников. Ведь утихомирить шторм не по силам даже мамам.

А утром Жека провожал Марину на теплоход. Теплоход, большой и прекрасно-белый, стоял в море поодаль от берега, как здесь по-морскому говорили, на рейде. Вот Марина с Катей на руках и её мама с чемоданом и сумкой. С помощью матроса они перешагнули с пристани на широкое открытое судно, которое называлось плашкоутом. Погрузив всех отъезжающих, плашкоут отошёл от пристани. Жека и его мама продолжали стоять вместе с другими провожающими. Они видели, как плашкоут подошёл к белому теплоходу и пассажиры стали подниматься по лесенке на палубу. Но разглядеть

Марину уже было невозможно. Жека тяжело вздохнул: ведь разлучаться с теми, кого любишь, всегда грустно. На этом прекрасном белом теплоходе Марина поплывёт на Сахалин, потом полетит самолётом на материк. Жека уже знал, что Сахалин — это огромный-преогромный остров, а материк — большая земля, которая начинается здесь, на востоке, и простирается далеко-далеко и на запад, и на север, и на юг. На материке, за лесами, за горами, далеко от Курильских островов, находится Москва. Марина с мамой долетят до Москвы, там переседадут на другой самолёт и полетят на юг к бабушке.

А Жека вскоре отправится к себе домой, на заставу. Прощай, тёплый остров! Прощай, седьмая комната! Прощай, простая солдатская кровать, которой на один вечер выпал счастливый случай превратиться в шхуну, плывущую по бурным волнам! И потом, когда Жека уже вырастет, он всегда будет помнить этот остров и девочку Марину, первую девочку, с которой он познакомился и подружился.

Уже в вертолёте Жека вспомнил и спросил:

— Мам, а где же был отряд? Почему мы его не видели?

— Как это не видели? — удивилась мама. — А солдаты и офицеры? Ведь мы с тобой и были в отряде...

— Знаю, знаю, — перебил Жека. — Отряд — это люди, как и застава. А раз они пограничники, то и отряд пограничный. А почему с заставы всё сообщают в отряд?

— Наверное, потому, что застав на границе много, а в отряде находится командный пункт. Но я думаю, лучше тебе это объяснит папа.

Жека даёт советы

Первым делом Жека отправился на заставу. Только он не шёл пешком, а ехал на своём новеньком двухколёсном велосипеде, который они с мамой купили перед отлётом с тёплого острова. Он ещё не очень хорошо умел ездить и старался посильней нажимать на педали, как посоветовал отец. К заставе он подъехал, названивая в звонок, да так громко, что дежурный Алёша выглянул на крыльцо.

— А, Евгений Борисович! Привет! С возвращением! Ну-ка, показывай свою машину! Марка что надо! — похвалил Алёша.

Жека был доволен. Кто-кто, а Алёша в машинах толк понимает. Посмотреть на велосипед хотелось и другим солдатам. Вот из дверей выглянули Юрочка Снегурочка и Женя Гитарист, и даже Гена вышел из кухни.

— Покажи, как идёт машина!

— Ну-ка, позвони ещё!

— А права на вождение у тебя имеются?

— Он в отряде сдал. Да, Жека? — раздавались голоса. И Жека несколько раз гордо проехал мимо солдат.

— Ой, что это вы не в форме, а в этих... — вдруг заметил Жека, показывая на заляпанные краской комбинезоны.

— В стройбат перешли, — засмеялся Юрочка Снегурочка и серьёзно добавил: — Ремонт. Смотри не измажься: масляная краска не отстирывается.

Солдаты ушли. Жека слез с велосипеда и, прислонив его к крыльцу, тоже зашёл за ними следом в здание заставы. Что тут творилось! Всюду пахло краской. Из спальни были вынесены кровати. Они стояли в коридоре, а в спальне Юра и Женя красили стены. Потолок они уже побелили, а стены красили очень интересно: не кистями, а валиками. Обмакнув валик в банку с краской, пройдутся по стене, и следом за вращающимся валиком появляется на стене синяя полоса. Рядом с ней — другая, потом — третья... Жека вспомнил, как отец советовался с мамой, в какой цвет красить помещения, а потом сказал: «Женский глаз — как алмаз».

В спальню вошёл отец, постоял, посмотрел, похвалил:

— А неплохо получается. — И вздохнул: — Жаль, не хватает рабочих рук. Хорошо бы всё закончить, пока стоит солнечная погода.

Жека глянул: и правда, работают только двое. Юрочка Снегурочка стоит на лестнице и красит валиком верхнюю часть стены, а Женя Гитарист внизу набирает краску на оба валика, один подаёт Юре, а другим красит сам. Третий валик лежит без дела. Жека взял его:

— Можно я тоже буду красить?

— Только тебя тут не хватало! — сердито сказал Женя. — Иди гуляй!

Никогда ещё Женя не разговаривал с Жекой так сердито. Он всегда был весёлый, а сегодня

хмурый и злой.

Юра глянул на Женю сверху вниз с лестницы и сказал непонятно:

— А может, всё это неправда?

Женя даже работать перестал, стоял с валиком в руках, и с валика на пол капала краска.

— Друг ведь не станет выдумывать. Своими глазами её видел: сидит в баре, коктейли распивает и улыбается этому усатому. Ну, как же это так! — почти закричал он. — В письме написала: «Считаю дни и жду!» — а сама...

— Что же ей теперь и улыбаться нельзя, пока ты не вернёшься? — сказал Юра. — Может, это просто её знакомый.

— Знакомый! Знаем мы таких знакомых, — сквозь зубы процедил Женя.

«Вот и у Жени беда», — подумал Жека и посоветовал, как когда-то советовал Володя Гене:

— Ты ей напиши: «Так, мол, и так. Вернусь домой, поженимся». Ты кто? Пограничник! Против тебя этот усатый — курёнок!

Женя посмотрел на Жеку и уже не сердито, а смеясь, покрутил головой:

— Во, советчик мировой! В самый корень глядит. Ну давай, крась, если хочешь. — Взял валик, обмакнул его в краску и протянул Жеке: — Держи, помощник!

Так они и красили втроём: вверху Юра, посередине Женя, а в самом низу Жека. Заглянул Костя, сказал:

— Ну вот, а вы всё плачетесь, что рабочих рук не хватает. Теперь можно быть спокойным. Будет сделано в срок.

Всё нравилось Жеке: и запах масляной краски, и тяжёлый валик, катавшийся вверх-вниз по стене, оставляя на ней яркую синюю полосу, но особенно нравились пятна, одно за другим быстро покрывавшие Жекины брюки и рубашку, такие же, как на комбинезонах солдат.

И второй раз повезло ему в этот день: отец пришёл домой пораньше. Жека тотчас же подбежал к отцу. Но отец не подхватил его на руки, устало попросил маму:

— Налей, пожалуйста, чаю. В горле пересохло. — И тяжело опустился на стул.

— Что-нибудь случилось? — тревожно спросила мама.

Отец не любил рассказывать дома о своих делах, но сейчас он сказал:

— На посту технического наблюдения ЧП произошло.

— А что такое ЧП? — спросил Жека.

— Чрезвычайное происшествие, — сказала мама и добавила: — Неприятное. — А потом опять с тревогой посмотрела на отца.

— Один из солдат из молодых самолёт проспал, — нехотя сказал отец.

— Как это — проспал? — вскинула голову мама.

— Нет, он, конечно, не спал на посту, — сказал отец, но был невнимателен.

Жека представил себе комнатку на втором этаже, ящик с экраном. Вот на экране появилась зелёная точка. Она быстро движется — значит, самолёт. Даже Жека теперь это знает. А дежурный сидел рядом с экраном и не увидел.

— Кто же это? — спросила мама.

Отец задумчиво добавил:

— Что-то с ним неладное творится. Такой весёлый был парень, а в последнее время ходит понурый, и старшина на него жалуется.

— Может быть, дома что-нибудь случилось? — спросила мама.

— Спрашивал. Говорит: «Ничего».

— Я знаю! Это Женя! — закричал Жека. — У него ЧП неприятное: любимая девушка с усатым в бар ходит.

— Видал, отец, какая разведка у тебя работает! — воскликнула мама.

А отец усмехнулся и покачал головой:

— Да-а, против такой беды даже командование бессильно.

— И ничего и не бессильно, — возразил Жека. — Надо поговорить с человеком. Ну, чего ты смеёшься, — недовольно посмотрел Жека на маму.

А отец потрепал Жеку по голове:

— Я думаю, ты правильно рассуждаешь. — И, посерьёзнев, добавил: — Конечно, Прокушев виноват. На границе даже самая малость может бедой обернуться. Но виноват не один Прокушев. Раз так получилось, значит, мы плохо воспитывали его. И самая большая вина на мне. Я получил выговор из отряда и считаю наказание правильным.

— Что же теперь будет? — спросила мама.

— Будем работать, — отвечал отец, поднимаясь. — Ну, я на заставу.

О Малыше говорят по радио

В жизни Жеки вскоре случилось замечательное, очень радостное ЧП.

Жека слушал свою любимую детскую передачу.

Как обычно, сначала прозвучала весёлая музыка. Дядя Коля и Рита поздоровались с ребятами. Потом дядя Коля рассказал о девочке Зине, которая дружит с белками, живущими неподалёку от её дома в парке. А потом... потом Рита сказала:

«Смотрите, дядя Коля, какое интересное письмо! Оно пришло от мальчика Жеки, который живёт далеко-далеко, на одном из Курильских островов».

Жека даже подскочил на тахте. Подумать только! Где-то на соседнем острове живёт мальчик, которого тоже зовут Жека, а они и не знают друг о дружке! Жека хотел поделиться этой удивительной новостью с мамой, но не успел. Рита продолжала:

«Жека нарисовал нерпёнка по имени Малыш, а его мама написала, как подобрали раненого Малыша заботливые люди и вылечили его».

Тут Жека догадался, что Рита говорит не о каком-то другом Жеке, а о нём и Малыше.

— Рита, это я, Жека! — закричал он. — Я тебя слушаю! И мама слушает!

И тут Жека подумал о своих друзьях на заставе. Ведь они ещё ничего не знают. И отец тоже не знает, что о Жеке и Малыше говорит девочка Рита из самой Москвы. Жека даже не дождался конца передачи. Как только Рита кончила говорить про Малыша, он помчался на заставу.

— О Малыше говорят по радио! — крикнул он, пробегая мимо дежурного Володи.

Но Володя вызывал кого-то по радиации и не обратил на Жеку внимания.

— О Малыше говорят по радио! — крикнул Жека вышедшему из столовой Жене.

Но Женя не обрадовался, словно не он первый показал Жеке Малыша и потом не относил вместе с Жекой Малыша на лежбище нерп. Жека приостановился и даже сам не заметил, как ноги понесли его по коридору к отцу, а руки распахнули дверь.

— Папа, о Малыше говорят по радио! — как бы сам по себе крикнул Жекин голос.

А Жека, спохватившись, застыл посреди отцовского кабинета. Отец разговаривал по телефону. Он только глянул на Жеку, и Жека закрыл ладошками рот. Но отец не рассердился. Закончив разговор, он положил на рычаг телефонную трубку и сказал:

— Поздравляю тебя, сын! Это очень интересно! Но поговорим мы об этом, когда я приду домой.

Жека тихо вышел из отцовского кабинета. На заставе было пусто, а Жеке так хотелось сообщить кому-нибудь ещё эту замечательную новость. Он вышел на берег океана, сложил руки рупором и закричал громко-громко:

— Малыш! Малыш! О тебе говорят по радио!

Сахалин-анья-хада

Днём Жека играл на шхуне один, а вечером сюда пришли отдохнуть солдаты. Жека стоит у руля, ведёт свой корабль, и ему кажется, что они и в самом деле плывут по океану. Ближе всего к капитану, свесив за борт ноги, сидят Юрочка Снегурочка и Женя.

— Этот гигантский остров и впрямь похож на изображение нерпы, — говорит Женя. — Это даже на карте можно увидеть, конечно, если иметь воображение.

Остров, похожий на нерпу? Жека прислушивается. Их остров маленький. Тёплый остров, куда они летали с мамой, хоть и побольше, но тоже на нерпу не похож. Жека видел его целиком с вертолёта.

— А с названием его получилась любопытная история, — продолжает Женя. — Открыли его русские казаки, один голландский географ нанёс на карту, а французский учёный, прочитав на карте надпись: «Сахалин-анья-хада», что означало: «Скалы чёрной реки», решил, что так называется остров. С тех пор и стали называть его Сахалином.

Жека вдруг представил себе стоящий на рейде большой белый теплоход, который должен был везти девочку Марину на остров Сахалин. Сначала ему даже стало немного грустно, но потом он стал повторять: «Сахалин-анья-хада! Сахалин-анья-хада!» — И сам громко засмеялся. А Женя сказал ещё чуднее:

— Называли его и по-другому: «Ых-миф», у местных жителей это означало: «предел земли».

— И откуда ты всё знаешь? — удивился Юра.

— Так я же на историка учусь. До армии успел даже первую сессию сдать. Вот вернусь и буду учиться дальше. Хотя и далеко загадывать, но всё-таки решил: займусь историей Курил.

— Жень, а почему Курилы называются Курилами? — спросил Жека. — Может, от слова «куры»?

— Да нет, куры тут ни при чём, — засмеялся Женя. — Хотя ты почти попал в точку. Эти места населяла народность кури. Вот некоторые учёные и предполагают, что от кури и пошло это название. Но есть и другая версия. Курильские острова были названы так потому, что их вулканические вершины часто курились, или, по-другому говоря, дымились.

— Жень, — опять спросил Жека, — а что такое археологические находки?

— Это следы поселений народов, которые жили в местах раскопок в давние времена, остатки их построек, оружия, различных вещей... Найти их мечтает каждый археолог.

— А если мы начнём копать и найдём? — спросил Жека. — Это тоже будут находки?

— Нет, — сказал Женя. — Это будет безобразие. Вести раскопки имеют право только историки, археологи, которым находки могут многое рассказать о давних-предавних временах. И искать их, и копать, и хранить нужно осторожно и бережно. Этому тоже надо учиться.

— А я возле сарая гвоздь нашёл! — похвалился Жека и добавил, вздохнув: — Сначала нашёл, а потом опять потерял.

— Ну вот, через много-много лет приедет сюда какой-нибудь учёный-археолог, откопает твой гвоздь и узнает, что здесь жил растеряха, — стал поддразнивать Жеку Юрочка Снегурочка.

— Ну да, — сказал в ответ Жека, — гвоздь этот не я первый потерял, а тот, кто крышу сарая ремонтировал. Значит, он первый растеряха!

В это время к шхуне подошёл Гена. Жека вспомнил, что сегодня была почта и Гена получил два письма. Одно от мамы — он его тут же быстро прочёл, а второе письмо долго вертел в руках, никак не решался вскрыть конверт. А теперь он шёл и улыбался во весь рот.

— Написала? — закричал Жека.

— Лида прислала свою фотографию. Большую! — сказал Гена и остановился возле шхуны, глядя на океан, над которым уже начали зажигаться звёзды.

Жека бросил руль и с криком «Сахалин-анья-хада!» прыгнул на Гену.

И пограничники плачут

Погода испортилась. На остров напал густой туман. Океан уже не сверкал серебряным зеркалом. По тёмной воде бесконечными рядами набегали кручёными завитками волны, шлёпались о берег одна за другой. Казалось, не будет конца тусклым, мокрым дням, как нет конца бегущим тёмным, мрачным волнам. Над водным простором, куда ни глянь, нависли тучи. Они давили на остров, сыпали холодными струйками дождя, которые на лету подхватывал ветер и швырял в лицо. Жека даже не пошёл гулять. Ползал по полу в старых лыжных брюках с потёртыми коленками, догоняя отремонтированный Алёшей заводной грузовичок, быстро бежавший по гладким крашеным доскам. Из радиоприёмника тихо звучала музыка. И Жека, и мама вроде не слушали её, но и выключать радио не хотели. Всё-таки веселее, когда на край земли, где ты живёшь, доносится музыка из самой Москвы. А тучи всё висели над островом. Жека уже несколько раз кричал: «Солнце, солнце, выгляни в оконце!», но солнце, наверное, не могло найти просвета в густых, плотных тучах. И вдруг тучи разорвало на куски, разогнало во все стороны. Туман, правда, ещё стелился над островом, но и он быстро таял под солнечными лучами. Жека мигом надел сапоги и выбежал из дома. Прежде всего он решил проведать свой корабль. Давно уже он не был там. Честно говоря, шхуна ему немного надоела. В самом деле, сколько можно заниматься кораблём, если ты один и капитан, и рулевой, и матросы, и пассажиры... Невольно вспоминалось, как хорошо играли они в гостинице с Мариной и её куклой Катей. И совсем не имело значения, что там не было шхуны. Зато была Марина! А здесь есть шхуна, но нету Марины. В таких печальных размышлениях Жека дошёл до своего корабля. Но прежде чем добраться до шхуны, ему пришлось преодолеть неожиданное препятствие: после дождей мелкий ручеек опять наполнился сбегавшей с сопки водой и разлился широкой речкой. Жека немного постоял, оценивая обстановку, потом осторожно ступил ногой на камешек, предварительно измерив сапогом глубину воды. Так и переходил он речку: высмотрит камешек и сначала, стоя на одной ноге, другую опустит в воду — если вода ниже сапога, значит, можно смело ступать на камень. Он перебрался через ручей, не замочив ног, и был очень доволен. Даже мама не могла на него рассердиться.

Едва взглянув опытным глазом на шхуну, старый морской волк — капитан «Малыша» — сразу же заметил, что судно находится в бедственном состоянии. На его днище скопилась целая лужа воды. Значит, потрёпанная штормовыми волнами шхуна дала течь. Судну грозила серьёзная опасность. Капитан тотчас дал сигнал общей тревоги. Матросы выстроились, все, как один, готовые выполнить приказ капитана. Капитан велел всем стать к насосам и откачивать воду. Насосом была консервная банка из-под тушёнки. Но это не имело никакого значения. Важно было, как работает в таких сложных условиях экипаж корабля. А экипаж был на высоте. Матросы черпали банкой-насосом воду, и вскоре уровень её понизился. И всё же, измерив сапогом глубину воды в трюме, капитан велел команде продолжать работу. Матросы трудились так старательно, что даже вспотели, но работы не прекращали. Вскоре из-под воды показалось днище корабля, и капитан громовым голосом крикнул:

— Молодцы!

— Служу Советскому Союзу! — загремело в ответ.

Корабль, благодаря опытности капитана и слаженным усилиям команды, благополучно пережил смертельную опасность и двинулся вперёд. Вскоре он бы, наверное, достиг порта назначения, но вдруг в небе что-то застрекотало — сначала тихо, потом громче. Капитан взглянул на небо и увидел вертолёт. Вертолёт явно летел на их остров и уже шёл на снижение. И тут капитан, рулевой, матросы и пассажиры, покинув корабль, со всех ног понеслись на заставу к вертолётной площадке. Перебегая через ручей, они зачерпнули в оба сапога воды, но не обратили на это внимания и продолжали мчаться дальше. И всё равно они немного опоздали. Вертолёт уже приземлился.

Когда на остров прилетает вертолёт, встречать его обычно выходят все, кто свободен. Но сегодня народу было особенно много. Неподдалёку от вертолёта стояло несколько новых солдат. Выступивший из строя сержант отдавал отцу рапорт. До Жеки донеслись слова: «...прибыли для дальнейшего прохождения службы!» Лица у солдат были не то что хмурые, а какие-то озабоченные. Наверное, каждый из них думал: как придётся им жить и служить на этом далёком острове, какие будут рядом товарищи, каким будет начальник заставы. Стояли возле вертолёта и свои солдаты, почему-то даже те, кому полагалось сейчас отдыхать после ночных дежурств. Сначала всё шло, как обычно: из вертолёта выгрузили продукты и почту, а потом, потом... Из группы солдат, стоявших вокруг, выступили вперёд четверо — Володя Кольчугин, повар Гена, Алёша «золотые руки», как называл его отец, вожатый Дика Юра, которого в шутку товарищи называли Юрочка Снегурочка. Отец подошёл к ним и каждому крепко пожал руку, пожелал счастливой жизни «на гражданке». Мама тоже пожала им руки и пожелала успехов в работе и учёбе и счастья в личной жизни.

К Жеке первым подошёл Володя:

— Ну, давай пять! — Он пожал Жеке руку. — Будь здоров, расти большой! А рисунок, который ты мне подарил, я взял с собой на память.

— А ты куда? — закричал Жека Володе. — А вы куда? — снова закричал он остальным.

— Домой мы, — за всех отвечал Володя.

Домой! Жека и раньше, конечно, знал, что у каждого из его друзей где-то там, как обычно говорят солдаты, «на гражданке», остался дом, в котором его ждут близкие, любимые люди. В последнее время всё чаще и чаще слышал он, как солдаты говорили: «Увольняться в запас», и понимал, что, отслужив положенное время, они уедут с заставы. И всё же, когда он увидел радостные лица уезжающих, ему стало обидно. Обидно и печально. Кто теперь подбросит его высоко-высоко и поймает на лету, как это делает Володя? Кто будет называть «рожками» рожки, как смешно называет их Гена. Кто будет шутливо отвечать Жеке: «Здравствуй, Евгений Борисович!», как это делал Алёша? Кто будет так ласково и серьёзно разговаривать с ним, как Юра? И вообще просто невозможно представить, что вот сейчас все они заберутся в вертолёт и навсегда улетят с острова!

— Старик, ты чего это? — Володя подхватил Жеку на руки. Увидев на его глазах слёзы, он крепко прижимал Жеку к груди и говорил: — Смотри, сколько хороших ребят остаётся на заставе — и Саша, и Женья... И с этими новыми ребятами ты непременно подружишься. А мы будем писать на заставу. Даю честное солдатское!

И снова Жеку обнимали Гена, и Юра, и Алёша. Что-то говорили. И Жека тоже пытался что-то сказать им и улыбнуться на прощанье, но слёзы то и дело набегали на глаза, и он старательно утирал их рукавом рубашки. А мама, хотя и видела это, не сделала ему замечания.

Но вот прозвучали последние прощальные слова.

Вертолёт оторвался от земли. Жека следил за ним, пока он не исчез в клочках серых туч. Он не видел, как дежурный повёл новичков к зданию заставы, как разошлись все остальные, и вдруг почувствовал, что сзади стоит отец.

— Знаешь, мне тоже всегда бывает грустно расставаться с ребятами, — сказал он тихо, словно доверил Жеке тайну. Помолчал, положил Жеке на плечо руку и добавил: — Пошли на заставу.

Жека удивлённо и обрадованно посмотрел на отца. Никогда ещё не случалось, чтобы отец сам звал его на заставу.

А жизнь на острове продолжалась, как обычно. Уходили по своим маршрутам пограничные наряды, под руководством нового сержанта солдаты занимались на учебной полосе, в кухне орудовал новый повар, на своём посту находился дежурный...

Ещё в тот день, когда улетели уволенные в запас, дежурный вечером стал раздавать почту. Одни письма он отдавал окружившим его солдатам, другие откладывал в сторону. Эти письма были присланы Володе, Алёше, Гене, Юре, которые сейчас ехали туда, откуда пришли им эти письма. Не было писем новичкам. Конечно, ведь они ещё не успели сообщить домой свой новый адрес. Не было писем и Жеке, а ему вдруг так захотелось получить письмо! Любому человеку всегда приятно получить добрую весточку, но больше всех, наверное, ждут таких вестей солдаты. Жека, конечно, ещё не солдат. Но, как ты, дорогой читатель, узнал из этой книги, живёт Жека на далёком острове, проводит дни на пограничной заставе со своими друзьями-пограничниками. И когда вертолёт привозит почту, Жеке тоже очень хочется получить письмо. От кого? Да просто от кого-нибудь — от мальчика или девочки, которые прочитали эту книгу. И если кому-то из вас, ребята, захочется написать такое письмо, пошлите его по адресу: 125047, Москва, улица Горького, 43, Дом детской книги. А внизу под адресом напишите: «Для Жеки».

Автору этой книги тоже интересно, что написал бы ты, дорогой читатель, Жеке — мальчику, который первым в нашей стране встречает солнце.